

Спасенная горцем

Автор:

[Сабрина Йорк](#)

Спасенная горцем

Сабрина Йорк

Очарование (АСТ)

Ханна Даунрей, уверенная, что все ее многочисленные поклонники в действительности охотятся лишь за ее землями и состоянием, неизменно отвергала все предложения замужества. Однако отвага и мужество красавца-горца Александра Лохланнаха, который спас ее из рук насильника, покорили сердце девушки.

Но чем дальше, тем меньше Ханна понимает поступки своего спасителя. Сначала Александр не отвечает на ее поцелуй, потом просит ее руки, а потом, будто назло невесте, ведет себя с ней холодно и отчужденно.

Что происходит? И есть ли в сердце этого сурового воина вообще место для любви, нежности и обычной человеческой жажды счастья?..

Сабрина Йорк

Спасенная горцем

Sabrina York

HANNAH AND THE HIGHLANDER

Печатается с разрешения издательства St. Martin's Press и литературного агентства Nova Littera SIA.

© Sabrina York, 2015

© Перевод. Т. А. Перцева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Сабрина Йорк – автор увлекательных исторических любовных романов. Ее истории о любви, чувственные, романтические и одновременно веселые, завоевали множество женских сердец по всему миру.

Глава 1

Май 1813 годаэ

Баррогил, графство Кейтнесс, Шотландия

Ей следовало отвернуться. Просто необходимо было отвернуться. Но Ханна Даунрей не могла оторвать взгляда от этого гиганта, явившегося на поле, где состязались в метании бревен. Больше всего он походил на древнего воина. Возможно, все дело было в роскошной гриве черных кудрей, свободно развевавшихся на ветру, или в ширине плеч, или в четко очерченном подбородке... а может, в перекатывавшихся под кожей мышцах груди, небрежно прикрытой одним только пледом клана Синклеров. Или что-то еще приковало ее внимание?

На нем был надет традиционный килт, обнажавший ноги. И он гордо стоял, возвышаясь над остальными мужчинами на целую голову. Он был даже выше ее отца, а папа ведь далеко не коротышка!

Пока из толпы неслись издевательские вопли, крики и насмешки соперников, стремившихся отвлечь его внимание, мужчина спокойно обзревал груды бревен. Противникам не удалось вывести его из себя. Он расставил мощные ноги, напряг мускулы и поднял бревно. Наблюдая неоспоримую демонстрацию силы этого мужчины, Ханна затаила дыхание.

Что-то, неведомое доселе, дрогнуло в ее душе.

Как жаль, что он слишком далеко, чтобы разглядеть его лицо!

На миг он замер, и она ощутила поток исходящей от него энергии.

В последний раз окинув взглядом россыпь уже брошенных бревен, мужчина прицелился.

Вопли раздались снова, но он, проигнорировав подначки соперников, откинулся назад и с рычаньем метнул бревно. Оно просвистело в воздухе, подобно стреле. Пролетев мимо скопления остальных бревен, оно упало с оглушительным грохотом, сотрясшим землю. В воздух поднялся фонтан пыли. Толпа разразилась восторженными криками.

Хотя Ханна отнюдь не была поклонницей архаичных, призванных разве что потешить мужское тщеславие игр, таких как метание бревен, все же бросок незнакомца произвел на нее впечатление. Этот человек с легкостью победил остальных.

Отец Ханны подошел к нему и, очевидно, желая поздравить, хлопнул по спине и что-то сказал. Высокий незнакомец откинул голову и рассмеялся.

Сердце Ханны забилось сильнее. Его смех заглушил какофонию голосов веселящихся мужчин. Гигант повернулся, и она впервые увидела его лицо. Жесткое. Грубоватое. Суровое, как местные пустоши. Но улыбка полностью его преображала и делала поистине красивым.

Ах... ей действительно следовало отвернуться. Но она не могла.

- Ищешь мужа?

Ханна круто развернулась и нахмурилась, увидев Сюзанну. Шею словно обожгло огнем. Прежде всего потому, что ее поймали за беззастенчивым разглядыванием чужого мужчины. Кроме того, ей надоели постоянные поддразнивания сестры по поводу ее колебаний в выборе поклонника.

Сюзанна была мастером дразнить и издеваться. Вот и сейчас она нагло ухмыльнулась:

- Красивый парень! Недаром у тебя слюнки потекли. Видя его, трудно тебя винить.

- Никакие слюнки у меня не потекли.

И он не парень. Он мужчина.

- Хотя он... вряд ли в твоем вкусе.

Ханна фыркнула. У нее не было «вкуса» там, где речь шла о мужчинах.

- Да ты взгляни на него!

Слишком поздно. Она уже взглянула. И не раз.

И то, что Сюзанна теперь тоже пожирала его взглядом, вызывало в ней странное раздражение.

– Высокий. Сильный. Властный. О последнем говорит буквально каждая черточка его лица. Таким мужчиной ты никогда не сможешь управлять.

– Я совершенно не собираюсь никем управлять, – пробормотала Ханна.

Сюзанна просто не имела права смеяться над ней! К тому же так громко! Ее смех привлек внимание всех мужчин на этом поле! Но как могло быть иначе? Из трех сестер Даунрей Сюзанна была самой хорошенькой, статной и фигуристой. Ее главной отличительной чертой была буйная копна рыжих волос. Лана, самая младшая, обладавшая волосами цвета меда и милым, ангельским личиком, тоже была красавицей. Все сестры были чем-то похожи на отца, но рожденные тремя разными матерями, сильно различались, как внешне, так и по темпераменту.

Рядом с ними Ханна чувствовала себя кукушонком в чужом гнезде. Она унаследовала от матери черные волосы и бледную кожу. Глаза были слишком большими, а уголки рта опущенными. Помимо всего прочего она была... как это выразиться... полновата. Зато ей выпало счастье иметь неплохое приданое: участок плодородной земли и оживленную рыбацкую деревеньку.

Скорее всего, без такого приданого она вообще не смогла бы заполучить мужа. Во всяком случае, не такого мужа, какого ей хотелось.

Конечно, унижительно сознавать, что мужчины желают не столько тебя, сколько твои плодовые сады. Впрочем, был еще и замок. И озеро. И доходная соляная шахта.

Хотя, если учесть то, что она видела в зеркале, с ее стороны было наивно и даже смешно, что она с содроганием думала о перспективе выйти за человека, которому нужны только ее деньги. В сердце своем она желала мужчину, который захочет именно ее.

И если уж она должна выйти замуж, то пусть ее добиваются так же, как Сюзанну.

Но она не Сюзанна. Она всего лишь бледная тень сестры. Вряд ли такая, как Ханна, способна вызвать слепое обожание. Когда она выйдет замуж, супруг, вне всякого сомнения, будет видеть в ней только свою собственность. Племенную кобылу. И будет ожидать, что она станет повиноваться его приказам, а не отдавать собственные.

Она никогда не умела повиноваться и уж точно никогда не встречала мужчину, ради которого была готова добровольно пожертвовать свободой. А любой муж будет ожидать именно этого.

При мысли об этом Ханна содрогнулась. Но тут же нахмурилась и снова взглянула в сторону поля, где по очереди пытали удачу остальные мужчины. И вдруг ее глаза встретились с глазами незнакомца. Девушка поежилась, обнаружив, что он следит за ней горящим взглядом, одновременно и хищным и оценивающим, почти голодным. И Сюзанна права! Каким бы привлекательным он ни был, не такого мужа Ханна искала. Не то чтобы она хотела мужчину, которым сможет управлять. Больше всего на свете она желала получить в мужа доброго и романтического человека, с которым можно делиться тайнами, вместе смеяться и болтать всю ночь. Человека, в котором она почувствует родственную душу.

А этот – воин. В его теле, вероятно, нет ни одной романтической клеточки.

Но все же... стоит только взглянуть на это тело!

Под его откровенным взглядом щеки Ханны расцвели красными пятнами. Она постаралась отвернуться и обратить внимание на что-то другое. На что угодно.

К несчастью «другим» оказался Нилл Левесон Гауэр, который тоже глазел на нее. Под его взглядом ей стало неловко. Впрочем, в присутствии Нилла ей всегда становилось неловко.

Он широко улыбнулся, показав зубы. Она кивнула в ответ и поскорее отвернулась, не желая его поощрять. Нилл был одним из ее поклонников. Его отец, маркиз Стаффорд, не делал секрета из своего желания приобрести Реей, чего можно было достичь только через брак с Ханной.

Если не считать того, что она находила внешность Нилла прямо-таки отталкивающей, не стоило забывать и о куда большей беде. Маркиз последовал примеру южных лэрдов и, выгнав арендаторов, огородил свои земли, чтобы пасти на них овец. Если Реей попадет в его руки, он, вне всякого сомнения, сделает то же самое и с ним, уничтожив все, что строила ее семья на протяжении многих поколений.

Ханна слишком многим обязана своим людям, чтобы допустить нечто подобное.

– О-о-о! – восторженно выдохнула Сюзанна. – Вот это мужчина! – Она повела бровями, что должно было послужить сигналом.

Ханна посмотрела на поле как раз в тот момент, когда Олриг, еще один ее поклонник, готовился метнуть бревно, и скривилась. Олриг был так же широк в плечах, как и высок, и против этого она ничего не имела, а вот против его привычки брызгать слюной при разговоре и громко испускать ветры – очень даже.

К несчастью, Олриг, беря бревно, нагнулся слишком низко, и Ханну ослепил вид мясистых полушарий.

– Господи боже, – пробормотала она.

– Какая соблазнительная мишень.

Сюзанна потеряла перекинутый через ее плечо лук, без которого редко выходила из дома.

– Думаю, Олриг будет возражать, если в его заднюю часть вонзится стрела.

– Ты так считаешь?

Зеленые глаза Сюзанны лукаво сверкнули.

Олриг, не то взвизгнув, не то завопив, метнул бревно. Однако оно не улетело слишком далеко: приземлилось на груды других бревен и откатилось назад. Он что-то проворчал и пнул кочку, словно виня землю за собственные недостатки.

– Только подумай: когда-нибудь все это может стать твоим, – сухо заметила Сюзанна.

Но Ханна в полной мере владела искусством посылать презрительные взгляды и сейчас воспользовалась им в полной мере.

– Я скорее выйду замуж за жирного борова!

– Не вижу различий, – дернула плечиком Сюзанна. – Но его земли, соединенные с твоими, образуют завидное поместье.

Верно, но когда речь шла о выборе мужа, земли жениха волновали ее менее всего. Если уж она решит связать свою жизнь с каким-то мужчиной, отдать себя мужчине, она хочет от этой сделки получить что-то для себя.

«Любовь, страсть», – твердил тоненький внутренний голосок. Но Ханна заставила его замолчать. Любовь – мечта глупца. А страсть? Безнадежная надежда.

Сама не зная почему, Ханна поискала взглядом темноволосого воина. Того, который заставил ее почувствовать то, что она раньше никогда не чувствовала. Хотя конечно, если кто-то об этом догадается, она будет все отрицать.

Настроение сразу испортилось, когда она поняла, что он ушел.

– Кажется, с меня довольно, – пробормотала она. Нет смысла оставаться, когда ничего впечатляющего на поле больше не происходит.

– О, не уходи, – проворковала Сюзанна. – А вдруг Олриг наклонится снова!

– Вот именно! – Ханна проглотила смешок. Один раз в десять лет – достаточно часто для подобного зрелища. Слишком часто. – Думаю, мне стоит посетить замковую библиотеку.

– Какой ужас!

– Пойдем со мной!

Сюзанна наморщила хорошенький носик.

– Глазеть на комнату, полную пыльных томов? Я уж лучше посмотрю на игры.

– И будешь представлять, как всех победишь?

– Это не так уж сложно.

Сюзанна не хвасталась. Она была настолько метким стрелком, что могла подстрелить птицу в небе. А Ханна не сумела бы попасть и в стену замка, разве что метилась бы куда-то еще. Тогда стрела точно угодила бы в стену! Сюзанна, скорее всего, могла победить в стрельбе из лука любого мужчину. Жаль, что ее не пригласят на соревнования.

Подобные игры были только для мужчин. Обычно в Баррогил съезжались вожди со всей местности и их семьи. Крошечная деревушка и замок не могли вместить всех прибывших, и многие лэрды раскидывали шатры на землях, окружающих замок, так что получалось нечто вроде праздника. После игр лэрды долго совещались, и в их круг дам не приглашали. Папа привел ее на это собрание кланов в надежде, что она выберет мужа. Но лично осмотрев всех претендентов, она еще больше утвердилась в своем желании не иметь с ними ничего общего.

Ханна посмотрела на сестру, не сводившую глаз с поля.

– Увидимся позже?

– Хм, – пробормотала Сюзанна, не глядя на нее: началось состязание в стрельбе из лука.

Ханна вздохнула и направилась по тропе, идущей между шатрами, к замку, возвышавшемуся на вершине холма у самого Пентленд-Ферт. Хотя замок был очень стар и стоял тут триста лет, все же он был очень ухоженным и походил на сверкающий драгоценный камень, окруженный кольцом зеленых газонов. И, судя по слухам, в нем имелась прекрасная библиотека. И призраки.

Лане бы это понравилось. Жаль, что она не приехала. Лана терпеть не могла шумные сборища и потому осталась дома с Изабелл, дочерью Сюзанны.

А вот Изабелл бы это понравилось. Она слишком походила на мать.

Звуки музыки и смех остались позади. Ханна прошла по раскинувшимся возле замка садам. Она наслаждалась соленым ветром и суровым видом бушующего моря. Солнце обливало деревья и цветы мягким золотистым сиянием.

Над головой пролетела пустельга, и Ханна остановилась, наблюдая за ее полетом. Она любила природу во всей ее красе, а чудеснее ясного майского дня в Шотландии не было на свете ничего. Это...

- Вот ты где.

Ханна едва не споткнулась, услышав низкий мужской голос. Повернувшись, она откинула с глаз растрепанные ветром волосы – длинные пряди танцевали вокруг ее лица.

О, какое несчастье! Нилл последовал за ней.

Оглянувшись, она с ужасом поняла, что вокруг нет ни души. Скорее всего, остальные решили посмотреть игры. Она приготовилась терпеть его присутствие, хотя уже начала придумывать предлог, под которым можно ускользнуть. В списке людей, которых она желала бы встретить в опустевшем саду, Нилл был последним.

Он споткнулся, когда взбирался на холм, и споткнулся снова, оказавшись лицом к лицу с Ханной. Но даже без этих доказательств она сразу поняла бы, что он пьян. От него разило виски.

- Нилл.

Он растянул губы в улыбке и вытер пот со лба.

- Ты быстро ходишь.

Он жалуется? Но Ханне было все равно. Она вообще не желала находиться в его обществе. Она глянула на замок, где ее ждала легендарная библиотека, и вздохнула. Возможно, она познакомится с ней в другой раз. Вряд ли это мудро – разгуливать в компании пьяного шотландца.

Когда она повернула назад, туда, где были люди, он попытался не отстать.

– Ханна, – выдохнул он, – я хотел поговорить с тобой.

– О чем? – буркнула она, не останавливаясь. Наоборот, зашагала еще быстрее. Что-то в нем раздражало ее до боли в зубах. И то самое уединение, которое казалось таким приятным минуту назад, сейчас вызывало ощущение опасности.

Нилл остановил ее, цепко схватив за руку. Ханна нахмурилась. Но он не понял намека.

– Я сказал, что хочу поговорить, – резко бросил он.

Повелительные нотки в его голосе разозлили ее еще больше, а жадный блеск глаз заставил насторожиться.

– Мы можем поговорить на ходу.

– Нет.

Он стиснул пальцы еще сильнее.

– Нилл, отпусти меня!

Она попыталась вырваться, но не смогла. Он свел брови. В глазах вспыхнул гнев.

– Я дважды делал тебе предложение. И ты оба раза отказывала. Почему не согласилась?

Ханна нетерпеливо пыталась выдернуть свою руку.

- Я не приняла ничьего предложения.

Глаза Нилла сузились, и он сделался похож на поросенка.

- Я не просто кто-то! Мой отец - очень могущественный человек!

- Да, но я выхожу не за твоего отца, не так ли?

Ей не следовало издеваться над ним. Он капризен, ребячлив и старается настоять на своем любой ценой. И сжимает ее руку так, что она уже онемела. Теперь у нее будет синяк!

Он наклонился ближе и прошипел:

- Плохо придется тебе и твоей семейке, если откажешь мне.

Это угроза?!

Ханна пришла в ярость. Она вновь попыталась вырваться, но Нилл ее не отпустил.

- Я выйду замуж, когда буду готова! А теперь отпусти меня.

Он оглядел ее со злорадной гримасой:

- Ты практически старая дева!

Очаровательно! Да, ей двадцать два года и она уже давно миновала возраст, когда большинство девушек выходит замуж. Сюзанна вышла замуж несколько лет назад, но Ханну вряд ли можно назвать старой девой. Более того, если уж она и выйдет замуж, то не за этого мужчину! Никогда он не будет ее супругом!

- Нилл, - предостерегающе начала она.

Но на него это не подействовало. Он придвинулся ближе.

– Я не потерплю отказа, Ханна!

Она поморщилась от его смрадного дыхания.

Нилл презрительно сплюнул:

– Возможно, тебя нужно как-то подтолкнуть.

Это ей совсем не понравилось, особенно когда он потащил ее за собой, развернул и впечатал спиной в древесный ствол, а затем прижал ее всем телом и впился в губы.

Ее едва не вырвало. Ханна терпеть не могла, когда ее лапали. Кроме того, его слюна отдавала кислятиной.

Ханна, не задумываясь, всадила кулак в его мягкий живот. Он с воплем согнулся, отпустив ее. Она развернулась, собравшись бежать в безопасное место. Но Нилл схватил ее за юбку и потянул на себя. Это застало ее врасплох. Она запуталась в подоле и повалилась на землю. Удар был такой силы, что у нее перехватило дыхание. Кроме того, она ушибла подбородок о камень и почти потеряла сознание. Ошеломленная, она не сразу собралась с мыслями и не смогла быстро подняться. Не успела Ханна опомниться, как Нилл навалился на нее, с рычанием перевернул на спину и накрыл своим телом. Его затвердевшая плоть неприятно давила на ее живот. Нилл запустил руки в ее волосы, удерживая на месте, и снова поцеловал. Она мотала головой, пытаясь уйти от омерзительного запаха, кричала, хотя его язык глубоко проник в ее рот.

– Заткнись, – прорычал он, опустив руку, и она с ужасом поняла, что он расстегивает штаны. Она попробовала ударить его коленом в пах, как ее учили, но он устроился между ее ногами, а она запуталась в юбках. Ханна колотила его по голове, но он поймал ее руки и поднял их над ее головой. И навис над ней, жадно впиваясь в нее взглядом. Ей вдруг стало страшно, словно по ней поползла ядовитая змея. Она знала, знала, что случится, если не остановить Нилла. И от этого становилось еще хуже.

Досада, раздражение, гнев и отвращение разливались внутри с каждым ударом сердца.

– Мой отец убьет тебя, – прошипела она. Отец действительно убьет Нилла, если только Сюзанна не доберется до него первой.

Но он только рассмеялся и снова попытался ее поцеловать. Она отвернулась. Тогда он осыпал слюнявыми поцелуями ее лицо.

– Ты будешь опозорена. И тебе придется выйти за меня!

– Я никогда не выйду за тебя.

Возможно, не стоило говорить ничего подобного пылкому поклоннику. Ее слова еще больше взбесили Нилла. Он снова прищурился. Его лицо начало быстро краснеть.

– Я возьму тебя, – прошипел он, оборачиваясь, чтобы задрать подол ее платья. И вдруг застыл. Словно окаменел.

В этот же момент по саду пронесся зловещий волчий вой, отчего волосы Ханны едва не встали дыбом.

Она покосилась влево, и ее пульс мгновенно участился.

Над ними стоял высокий мужчина со шпагой, походившей скорее на древний палаш. Острие шпаги находилось между ногами Нилла, именно в том месте, которым больше всего дорожат мужчины. Яркое солнце не давало ясно разглядеть черты лица мужчины, но его силуэт, огромный, темный, вызывал ассоциации с ангелом мщения. Сразу было ясно, что он кипит яростью.

Он слегка сместился в сторону, и Ханна увидела его лицо. У нее перехватило дыхание. Это он. Ее воин. Боже, он великолепен!

Она почувствовала облегчение и непонятное волнение. На мужчине все еще был плед, в котором он был на играх. С близкого расстояния незнакомец производил еще более яркое впечатление. Плоский, твердый, мускулистый живот, массивные руки, ноги, напоминавшие древесные стволы.

Но его лицо... ах, его лицо! Лицо свирепого дикаря. Вид у него был поистине угрожающий, черты лица – резкие: широкий лоб, высокие скулы и длинный прямой нос. По левой щеке змеился извилистый шрам.

И он был зол. На скулах ходили желваки.

– Черт! – взвизгнул Нилл, стоило ему взглянуть на незнакомца. Он проворно перекатился на бок. Теперь Ханна снова могла свободно дышать. Вскочив, Нилл выдавил смешок, хотя его глаза были словно прикованы к огромному палашу.

– Мы... мы просто болтали.

Воин скривил губы и насмешливо прищурился.

– Ну, мы...

Нилл явно не находил слов.

Рычание. Всего лишь рычание, вырвавшееся из горла. Выразительнее любых слов.

Нилл немедленно понял, что это значит, и бежал, поджав хвост.

Ханна наблюдала все это, испытывая чувство вроде злорадного удовлетворения, но когда Нилл скрылся и она осталась одна с этим чудовищем, вся ситуация уже не казалась такой забавной. Она не знала этого человека, а он был настоящим великаном. И он пристально ее разглядывал. Вполне возможно, что она попала из огня да в полымя.

Но прежде чем она успела все обдумать, прежде чем в сердце проснулся новый страх, ее спаситель сунул шпагу в ножны и встал на колени. Возле нее. На колени.

Ее окутал исходящий от его тела жар. Его присутствие поражало. Она не могла смотреть на его лицо. Его взгляд ее парализовал. В его карих глазах блестели золотые искорки. Ханна заметила это внезапно и тихо ахнула. Ресницы у него были неестественно длинными. А губы... господи, эти губы, сочные, полные

губы...

Когда он поднял руку, она не испугалась. Он коснулся ее подбородка, там, где наливался синяк, но прикосновение было поразительно нежным. Мужчина дернул бровью, и она сразу поняла, что он хотел спросить.

– В-все в порядке, – выдавила Ханна, едва ворочая языком. А может, это просто ее мозг отказывался работать. Ах, эти необыкновенные губы!

Его лицо смягчилось. Кивнув, он встал и протянул руку. Она схватилась за эту руку. Инстинктивно.

Он поднял ее и поддержал, когда она пошатнулась. Хотя ноги ее не держали, это не было реакцией на нападение Нилла. Просто кружилась голова оттого, что ладонь этого человека сжимала ее пальцы. Ей следовало бы сгореть от стыда, потому что она вдруг упала на твердую, как камень, мужскую грудь, хотя вовсе не имела такой привычки. Но Ханна почему-то никакого стыда не чувствовала. Больше того, ей было очень приятно. Его жар, его запах окутали ее.

Он молча смотрел на нее сверху вниз. Она глядела на него снизу вверх, думая об этих губах. Когда он опустил голову, Ханну охватил восторг.

Сейчас он поцелует ее. О да, пожалуйста!

Сама мысль о поцелуях Нилла была отвратительна. Но сейчас в ней бушевали совершенно иные эмоции. Желание. Жажда. Возможно, все это было реакцией на стресс, но она знала одно: никогда прежде ничего подобного с ней не случилось.

Но он не поцеловал ее. Не поцеловал в губы. Что-то бормоча, он коснулся губами ее подбородка, легко, едва заметно, в том месте, где продолжал расплываться синяк.

Такой милый жест. Нежный поцелуй. Абсолютно не то, что было у нее на уме. Поэтому она чуть откинула голову и завладела его губами.

Такое поразительное ощущение! Тепло. Радость. Вкус мяты и прикосновение бархата. И еще какой-то вкус... она не могла распознать. Ханна не сумела устоять, прижалась теснее.

К ее удивлению, мужчина отпрянул. Глаза его широко раскрылись, ноздри раздувались. У нее внутри все сжалось от столь резкой его реакции. Ей так хотелось целовать его еще и еще! Хоть целый день.

Он, не отрываясь, смотрел на ее губы. Его пальцы на ее бедрах сжались.

Мгновение длилось и длилось. Ханна знала, точно знала: сейчас он снова ее поцелует.

Она затаила дыхание. Голова закружилась от чего-то, похожего на счастье. Ей казалось, что она давно знала этого человека. Он был мужчиной, который зажег в ней ту сумасшедшую страсть, о которой она всегда мечтала, но не думала, что однажды ее испытает.

Перед ней был мужчина, которому так хотелось отдать все...

Эта мысль должна была встревожить ее, напугать, остановить разбушевавшуюся фантазию. Но ничего этого не произошло. Он был...

Но когда незнакомец отпустил ее и отступил, ее восторг мгновенно угас, сменившись раскаянием. Ханна вдруг почувствовала холод. Лицо мужчины напряглось, мышца на щеке дернулась. Он едва заметно качнул головой.

Ханна отнюдь не была глупа. И поняла, что ее отвергли. В горле застрял комок. Ее словно охватило пламенем унижения и стыда. Проклятье!

Он спас ее от чересчур пылкого поклонника, как сделал бы любой благородный человек. Он коснулся ее подбородка, сочувствуя. Он не сделал и не сказал ничего, что могло бы оправдать ее дерзкое поведение.

Ей следовало знать. Такой мужчина никогда не заинтересуется серой мышкой, книжным червем с большими глазами и кривым ртом. Такой мужчина, как и все остальные, захочет сильную, прекрасную принцессу-воина, такую, как Сюзанна.

Женщины, вне всякого сомнения, добивались его поцелуев. Ему наверняка приходится отгонять их палкой. Ее поцелуй, вне всякого сомнения, он расценил как досадную помеху, а ее принял за очередную наивную дурочку.

Ей не стоило целовать его, хотя она ни о чем не жалела.

– Я...

Нет. Она не станет извиняться.

Ханна откашлялась и показала на то место, где Нилл едва ее не изнасиловал.

– Э... спасибо. Я не знала, что он следил за мной, пока не стало слишком поздно.

Мужчина кивнул. Тишина становилась все напряженнее.

– Я Ханна Даунрей, – представилась она, протягивая руку. Он молча смотрел на нее. – А вы...

Ханна, затаив дыхание, ждала ответа, умирая от желания услышать его имя. Стыд и смущение все еще сжигали ее, а при мысли о том, что она никогда не сумеет привлечь мужчину, подобного ему, в груди разгорались обида и досада.

Ей станет легче, если он назовет свое имя. По крайней мере, все последующие годы ее жизни ей будет кого вспоминать. А она запомнит его навсегда.

Его кадык скользнул вверх по его горлу, а затем пополз вниз. Губы раскрылись. Ханна уставилась на них, изо всех сил пытаясь не думать о том, как хочется наброситься на него и снова поцеловать. Но сдерживаться было трудно. Что-то в нем затрагивало ее душу, наполняло незнакомым голодом – его запах, аура, тепло...

Но он не назвал себя. Пожалел даже столь малой крохи внимания. Молча поклонился, развернулся и ушел.

Ханна сверлила взглядом его удаляющуюся фигуру. Бушующий водоворот эмоций не давал ей покоя. И лишь немногие из них были приятными. Было ли это

тем, чем казалось? Полным и бесповоротным отказом от нее? Как грубо!

Каким бы постыдным, ужасным и восхитительным ни было все это странное приключение, по какой-то причине возмущение и ярость подавили все остальные чувства Ханна. Теперь ею двигала только злость. Хотя этот мужчина физически само совершенство, сам соблазн, больше она не желала его видеть. Никогда. Кем бы он ни был.

Глава 2

Александр Лохланнах, лэрд и барон Даннет направлялся к шатру. Его руки были сжаты в кулаки. Ханна. Ее зовут Ханна. И прикосновения ее губ, ее языка были чем-то невероятно прекрасным.

При мысли о ней что-то эфемерное и влекущее шевельнулось в груди.

Он заметил ее случайно, когда готовился метнуть бревно. И понял, что она наблюдала за ним с явным интересом. Мало того, он ощущал ее взгляд, как наступление лесного пожара. Как укол вожделения.

Она сумела поразить его с первого взгляда. Потому что смеялась, откинув голову, и глаза ее блестели. Волосы струились по спине рекой черного шелка. Она была совсем миниатюрной, с аппетитной фигурой и алебастровой кожей. Большие карие глаза придавали ей вид беззащитного испуганного олененка. Но он знал, что это не так. В ней чувствовалась сила. Стальной стержень. Упрямо вскинутый подбородок не оставлял в этом сомнений.

Да, он мгновенно захотел ее. И подчинился внезапно вспыхнувшему желанию последовать за ней, когда она направилась по узкой тропинке.

Александр пришел в ярость, когда увидел ее пригвожденной к земле этим жалким червем, Ниллом Левисоном Гауэром.

Ниллу повезло, что он все еще оставался мужчиной, а не евнухом. Единственное, что остановило руку Александра – мысль о том, что он, покалечив сына маркиза,

скорее всего, развяжет войну между кланами. Отношения Александра со Стаффордом можно было назвать в лучшем случае неустойчивыми, так что не слишком мудро провоцировать человека, настолько близкого к принцу-регенту. Но он все же подумывал расправиться с Ниллом. Ради Ханны.

Когда она назвала ему свое имя, он едва не рассмеялся. Совершенно неуместная веселость, смешанная с глубочайшим облегчением. Она оказалась дочерью его друга, Магнуса Даунрея, лэрда Рея, той самой, которую Магнус настойчиво предлагал Александру в жены. Ему хотелось хорошенько пнуть себя за то, что не принял приглашение Магнуса посетить Кайрен Рей, где он мог бы познакомиться с Ханной. Почему он воспротивился?

Кроме поразительной красоты лица и форм, от которых слюнки текли, она была обладательницей богатого приданого и плодородных земель – предмета зависти любого мужчины.

Ладно. Он знал, почему противился. Любая девушка, у которой есть хотя бы частица здравого смысла, с отвращением отвернется от его изуродованного лица и сбежит в холмы.

Но она не сбежала в холмы. Она поцеловала его. Поцеловала его! И черт возьми, ему следовало бы поцеловать ее в ответ.

Дьявол! Ему следовало назвать свое имя!

Но когда Александр смотрел в ее завораживающие янтарные глаза, его окончательно оставил разум, горло перехватило, и душу обожгла знакомая паника. Он ненавидел свое проклятье. Всегда ненавидел, но никогда так, как сейчас.

Александр не обладал смазливой физиономией или серебряным языком, как у его брата Эндрю. И в отличие от ран других мужчин, раны Александра было не так легко скрыть. Они ежедневно терзали его. Каждый раз, когда он смотрел в зеркало. Каждый раз, когда открывал рот. Поэтому он очень старался делать это как можно реже.

Зато его брат без труда соблазнял дам вкрадчивым шепотом. И очень охотно называл свое имя. Хотя Александр усердно трудился над тем, чтобы одолеть

свои проблемы, они то и дело снова давали о себе знать. И тогда каждое слово, каждый слог были пыткой. Но он боролся, боролся, как мог, чтобы произносить слова четко и ясно.

Он решил, что когда встретит ее в следующий раз, он будет подготовлен лучше.

Ханна.

Да, он был сражен с первого взгляда и заинтересовался, когда она назвала свое имя, когда он все мгновенно сопоставил и понял, что это за ней дают богатое приданое. Но стоило их губам соприкоснуться, Александр осознал, что она предназначена ему. И это открытие было для него, словно удар кулака в живот.

Теперь, после того как он держал Ханну в объятиях, ощущал вкус ее губ, он ее захотел. С неукротимой страстью.

Какой стыд, что он не поцеловал ее в ответ! Он мог бы продемонстрировать ей поступками то, что оказалось так трудно высказать. Но он получит ее. Получит любой ценой.

Преисполнившись твердой решимости, Александр начал проталкиваться сквозь толпу в поисках Магнуса. Теперь, когда все стало ясно, нет причин для проволочек. Кроме того, у Ханны много поклонников, и он потеряет ее, если кто-то его опередит.

Но пришлось замедлить шаг, когда кто-то громогласно его окликнул. Александр едва сдержался, чтобы не поморщиться. Проклятье! Олриг! Последний, кого он хотел сейчас видеть! Олриг был лэрдом земель к востоку от Даннета, и все эти годы между ними было больше конфликтов, чем мог вспомнить Александр, в основном потому, что Олриг был ослом, стремившимся всеми способами пополнить свой кошелек. Он считал набеги игрой, правом шотландских лэрдов и не брезговал посылать людей через границу: воровать скот, грабить дома и устраивать беспорядки. Кроме того, Олриг напоминал ему человека, которого он презирал. Александр старался не позволить предубеждению взять верх, но это было трудно, когда Олриг вел себя подобно Дермиду.

Александр решил сделать вид, будто ничего не слышит, и быстро зашагал в противоположном направлении. Но Александр неплохо изучил Олрига и знал,

что тот погонится за ним до края земли, особенно если ему что-то нужно. Поэтому не лучше ли поскорее с этим покончить?

Александр со вздохом повернулся и какое-то время наблюдал, как Олриг спешит к нему. Это было довольно забавное зрелище. Вряд ли Олрига можно было назвать ловким. Вот и сейчас он раскраснелся и задыхается. Очевидно, для такой спешки есть важная причина.

Александр не знал тощего человечка, идущего рядом с Олригом, но здесь было много людей, с которыми он не был знаком.

- А, Даннет! Вот ты где, - пропыхтел Олриг.

Александр пригвоздил его к месту мрачным взглядом.

Олригу удалось спрятать страх и даже выдавить улыбку. Александр видел, что улыбка фальшивая, потому что она не затронула глаз Олрига.

- Даннет, ты знаком со Скрастером? - Олриг показал на своего костлявого спутника.

А! Так это Скрастер! Сосед Олрига с запада. Хотя они никогда не встречались, Александр слышал о нем. Слышал только плохое - хотя стоило увидеть его бегущие глазки, как Александр сразу поверил слухам.

Скрастер быстро поклонился.

- Огромное удовольствие наконец встретиться с легендарным Волком Даннетом, - прохрипел он.

Александр прищурился. Он терпеть не мог это прозвище.

Скрастер побледнел и попятился. Олриг рассмеялся и с силой, от которой тот пошатнулся, хлопнул человечка по спине.

- Даннет выглядит свирепым, но уверяю, он совсем ручной.

Каким образом Олриг пришел к этому выводу, оставалось тайной.

- Да, - процедил Александр. - Совсем ручной. Пока кто-нибудь не ограбит мою мельницу.

Олриг снова рассмеялся, но теперь в его голосе звучали тревожные нотки.

- Ох, Даннет, все это было только шуткой.

- Это не покажется шуткой, когда придет зима, а в амбарах окажется недостаточно зерна, чтобы накормить моих людей.

- У меня тоже есть люди, - ответил Олриг, пожав плечами.

Александр подавил рвущийся из горла рык.

- Держись подальше от моей земли, Олриг, - предупредил он. - И скажи своим прихлебателям, что я распорю живот каждому, кто пересечет мои границы с недобрыми намерениями.

- Нет никаких причин обижаться, - буркнул Олриг.

По какой-то причине Александру безумно захотелось всадить кулак в его похожий на картофелину нос. Он напомнил себе о клятве сдерживать свой нрав. Не хотел прослыть вспыльчивым. Хотя в присутствии некоторых людей держать себя в руках было невероятно трудно. Потребовалось немалое усилие, но он разжал кулаки.

- Уверен, что мы сможем забыть мелкие свары, - снисходительно заметил Скрастер, и Александр свирепо воззрился на него. Скрастер изобразил нечто похожее на ободряющую улыбку, которая тут же померкла, когда он увидел выражение лица Александра.

- Гм... я... то есть мы... мы хотели поговорить, Даннет.

Проклятье!

Он сгорал от нетерпения. У него не было времени на глупые разговоры. Поскорее бы найти Магнуса и немедленно сделать предложение.

- Да?

- Перед встречей вождей, - добавил Скрастер.

Александр изогнул брови:

- По какому поводу?

Возможно, на его лице было ясно написано раздражение или в глазах была злость, но мужчины обменялись оскорбленными взглядами и отступили.

Наконец Олриг собрался с храбростью, втянул в себя воздух и выпалил:

- Насчет Стаффорда.

Александр прищурился. В самом деле? Неужели Нилл уже побежал к папаше? Маркиз был одним из самых могущественных людей в округе и любил запугивать тех, кто стоял ниже его по положению, но Александру было безразлично, как к нему относится Стаффорд. То, что пытался сделать его сын, - омерзительно и...

- У него предложение, которое ты наверняка захочешь выслушать, - прошептал Скрастер.

А вот это удивительно. Хотя любое предложение Стаффорда наверняка будет гнусным. Слухи и истории, доползавшие из Сазерленда, где находилась его резиденция, были страшными. Стаффорд огораживал свои земли, называя это усовершенствованием, изгонял арендаторов и продавал овец, получая огромную прибыль. Беда в том, что арендаторам некуда было деваться, а тех, кто сопротивлялся, избивали, отсылали в колонии или убивали на месте. Из-за этого по дорогам бродили шайки разбойников, грабивших Шотландское нагорье, и орды бездомных беженцев. Все это разрушало годами установленную клановую систему. И все лишь ради прибыли.

Стаффорд был алчным ублюдком, хуже которого вряд ли можно было сыскать. И совести у него не имелось.

- Какое предложение? – рявкнул Александр.

Возможно, ему не следовало спрашивать, потому что Олриг мгновенно оживился.

- Пойдем, выслушаешь его. – Его энтузиазм был ощутим буквально физически. – Он ждет тебя в своем шатре.

Александр не знал, что делать. Он не собирался встречаться со Стаффордом. Вряд ли у этого человека есть что-то интересное для него.

Презрительно фыркнув, Александр покачал головой и отвернулся.

- Подожди! – Олриг схватил его за руку. Чересчур крепко. Александр посмотрел на руку Олрига и тихо зарычал. Олриг, бледнея, отпустил его.

- Послушай, Даннет. Времена сейчас переменчивые. Ты наверняка захочешь быть на борту вместе со всеми.

В его тоне было нечто такое, отчего кровь Александра похолодела.

- Ты о чем? – выдавил он сквозь зубы.

Олриг подался вперед. Запах его пота окутал Александра удушливым облаком:

- Как тебе известно, Стаффорд... близок к принцу-регенту.

- Да.

- Ходят слухи, что принц скоро даст ему титул герцога Сазерленда.

Александр нахмурился, не понимая, каким образом это его касается. Его земли не находились в графстве Сазерленд, его сюзереном был герцог Кейтнесс.

– Говорят, что, когда Стаффорд получит титул, принц подарит ему и земли Кейтнесса.

Александру стоило большого труда не открыть рот. Получив оба графства, Стаффорд станет господином всей северной Шотландии, включая Даннет.

– А что же будет с герцогом Кейтнессом? – Александр скрипнул зубами.

Ухмылка Олрига ему не понравилась.

– О Лахлане Синклере нам беспокоиться ни к чему.

Крохотные волоски на затылке Александра встали дыбом. Вышеупомянутый герцог Лахлан Синклер, наследственный сюзерен Александра и вождь клана, десятилетиями не бывал в Шотландии, променяв родину на лондонские забавы. Но недавно он вернулся, хотя не позаботился посетить собрание лэрдов. Это было огромной ошибкой! Но пока что он оставался лэрдом всех баронских земель в графстве. И герцогом. Поэтому преданность Александра сюзерену оставалась безусловной.

– Так чего же хочет от меня Стаффорд?

Олриг хлопнул его по спине.

– Я так и знал, что ты заинтересуешься.

Ему было неинтересно, но нужно же знать, какие махинации происходят вокруг.

– Стаффорд знает, что, если получит согласие баронов, принц будет более склонен подарить ему земли после смерти Кейтнесса. Это имеет смысл, поскольку у Кейтнесса нет наследников.

Первой реакцией Александра было отвращение, которое он испытал при мысли о том, чтобы благословить Стаффорда на господство над Даннетом. Стаффорд, конечно, разорит арендаторов и сожжет деревни, как сделал это на своей земле.

Но куда более мрачная мысль закралась в голову Александра, развеяв раздражение. Когда умрет Кейтнесс? Проклятье! Неужели тут зреет измена? Похоже, что так.

Он скрестил руки на груди и пронзил Олрига яростным взглядом:

– Но Кейтнесс молод.

Ему не больше тридцати.

– Все Синклеры умирают молодыми. И нам известно, что герцог слаб и чахнет день ото дня. Принцу это известно. Стаффорду это известно.

И Стаффорд, конечно, готов помочь герцогу отправиться на тот свет при первой же возможности. Он уж точно не будет терзаться угрызениями совести, убив пэра королевства, если при этом отберет у него каждый клочок земли, от Скари до Уика.

Александр никогда не видел своего сюзерена, но знал, что многие поместья баронов пострадали из-за небрежности Синклера. Правда, его преданность сюзерену от этого не ослабла. Как истинный шотландец, Александр был яростным защитником клановой системы, несмотря на то, что она в последнее время пошатнулась. Он останется верным Кейтнессу, невзирая на недостатки последнего, и никогда не оступится от клятвы. Ни за что.

Его уже тошнило от этой беседы, поэтому он молча повернулся спиной к Олригу и возобновил поиски Магнуса.

– Даннет! Даннет! – завопил Олриг. – Стаффорд ждет тебя.

Александр проигнорировал его. Пусть Стаффорд сгниет в аду. А заодно с ним – Олриг, Скрастер и вся их шайка.

Ярость сжигала Александра, пока он шел по полю, где веселился народ. Он замечал удивленные взгляды, видел, как разбегаются люди, давая ему дорогу, но ни на что не обращал внимания. Хотя он не любил, когда его боялись, все же он к этому привык. И любой должен подумать дважды, а то и трижды, прежде

чем угрожать тому, что дорого для Александра.

Сейчас у него вовсе не было желания толкаться в толпе, поэтому реакция людей его устраивала. Все-таки иногда устрашающий облик имеет свои преимущества.

Он нашел Магнуса около огороженного участка, на котором шел потешный бой, явно грозивший перерасти в настоящий. Опасно и не очень умно давать шотландцам оружие и предоставлять возможность отомстить за старые обиды на поле боя, даже если это считается забавой. Уже не из одного носа текла кровь!

Глаза Магнуса загорелись при виде друга. Хлопнув Александра по плечу, он прогремел:

– Это ты, Даннет!

– Сэр, я хотел бы поговорить с вами...

– Конечно.

– Наедине.

Магнус, перестав улыбаться, с секунду всматривался в него, а затем кивнул:

– Как насчет рюмочки виски в моем шатре?

Александр согласился, хотя дело тут было не в виски.

Мужчины направились к шатру Магнуса, обходя попадавшихся по дороге людей. Хотя решимость Александра никуда не исчезла, все же он нервничал. Он собирался сделать важнейший шаг в жизни. Жениться на прекрасной девушке. Оставалось молиться, чтобы друг благосклонно отнесся к его предложению. Более того, он надеялся на согласие Ханны.

Магнус откинул полог шатра, и Александр, склонив голову, вошел. Шатер был одним из самых больших. В глубине находились спальные места, на переднем плане стояли скамьи и стол. Александр подавил невольную дрожь при мысли о

том, что именно здесь спит Ханна. Пришлось приложить усилия, чтобы выбросить эту мысль из головы и сосредоточиться на деле.

Ему предстояли переговоры.

Подойдя к бочонку виски на столе, Магнус вздохнул:

– Представить не можешь, как я рад, что ты здесь, Даннет. Единственный разумный человек среди глупцов.

Верно, в отличие от других баронов, Магнус и Александр ясно представляли себе суть многих проблем. Это было одной из причин, по которой Александр так уважал этого человека.

– Мне неприятно упоминать о том разговоре, который у меня сегодня был со Скрастером, – заметил Магнус.

Александр взял протянутую рюмку и сел на скамью:

– Речь шла о Стаффорде?

– О чем, черт возьми, он думает? – фыркнул Магнус.

– О том, как станет править всем северным побережьем.

– Ба! Но если слухи верны, так и будет.

Они обменялись мрачными взглядами. Никому не хотелось иметь такого сюзерена, как Стаффорд.

– Проблема в том, что мы живем в забытой богом глуши. Принцу наплевать на Шотландское нагорье, и к несчастью, Синклеру тоже.

– Но он по-прежнему наш лэрд.

– Верно. Только вероятнее всего, мы – единственные, кто так считает. Даже Морак согласен с этой чушью. – Магнус сделал большой глоток виски. – Думаю, им всем не терпится оказаться на стороне победителя.

– И ты думаешь, что им будет Стаффорд?

Магнус пожал плечами:

– Он человек влиятельный. И он всегда здесь, в отличие от Кейтнесса, нога которого не ступала в Акерджил с тех пор, как он был маленьким. Как может человек требовать преданности от баронов, с которыми в жизни не разговаривал? Будь у парня в голове хоть грамм мозгов, посетил бы все владения и кнутом привел бы баронов в чувство. Слишком много им воли дали!

И это было чистой правдой. Слишком много стало распрей, стычек, недовольства и свар. Скверные ветры дули в Шотландии.

– Но довольно о политике. Что ты хотел обсудить? – Магнус пронзил его пронизательным взглядом, и у Александра вдруг перехватило горло.

– Сэр, я... – Он с трудом сглотнул и выпрямился.

Магнус хлопнул его по ноге, и Александр, окончательно утратив внутреннее равновесие, надолго замолчал. Магнус погрозил ему пальцем:

– Ты второй раз называешь меня «сэром», очевидно, дело у тебя серьезное.

Так оно и было. Александр набрал в грудь воздуха и начал снова:

– Сэр... я хотел бы... потолковать с вами насчет... вашей дочери...

Он заикался на каждом слове, неспособность говорить связно раздражала его безмерно, но он продолжал буквально выдавливать слова.

Магнус широко раскрыл глаза, но тут же рассмеялся:

– А!!! Присмотрел мою Сюзанну, верно? Мне следовало бы это понять. Она настоящая красotka. Все мужчины так считают. Но предупреждаю, она девица упрямая.

Александр уставился на него. Сюзанна?

– Нет.

– Нет?

– Не Сюзанна. Ханна.

Ах, какое облегчение впервые назвать ее по имени! Он понятия не имел, почему Магнус уставился на него в недоумении.

– Ханна? – покачал он головой. – Уверен, что говоришь не о Сюзанне? С рыжими волосами?

– Нет.

Длинные черные волосы. Огромные карие глаза. Густые ресницы. Пухлые губы.

– Ханна.

– Вот как!

Магнус снова оглядел его и расплылся в широкой улыбке:

– Вот как!

– Я...

Черт бы все это побрал! Почему это происходит всегда, когда ему нужно сказать нечто важное?

– Я бы просил вашего разрешения предложить ей руку.

– Превосходно! – Магнус хлопнул в ладоши и вскочил: – Превосходный выбор. Думаю, за это нужно выпить.

Что-то напевая себе под нос, он наполнил еще две рюмки. И очень удивился, когда, вернувшись, обнаружил рюмку Александра нетронутой. Пожав плечами, Магнус поставил рюмки на стол.

– Магнус... как, по-твоему, Ханна согласится?

Магнус подергал себя за губу:

– Трудно сказать. Ханна – самая старшая и почти такая же упрямая, как Сюзанна. Впрочем, по правде сказать, все мои девочки упрямы. Наверное, потому, что ни у одной нет матери. Как ты считаешь?

Александр не ответил, поскольку не знал причин женского упрямства.

– Но она хорошая девочка и притом прекрасная партия. Сильная и волевая. Крепкая.

Крепкая?!

Не то слово, которым он описал бы Ханну. Скорее, неотразимая.

– Заметь, у нее есть поклонники, и их немало, учитывая величину ее приданого. Но она всем отказала. Признаюсь, я уже отчаялся и не верю, что она выберет мужа, – вздохнул Магнус и, устремив взгляд на Александра, улыбнулся. – Но я уверен, что из вас выйдет прекрасная пара, и к тому же я буду счастлив иметь такого родственника, как ты. Вот что я скажу: ты пришли ей предложение, а я тем временем уговорю ее, – подмигнул Магнус. – Если повезет, она примет верное решение. Но предупреждаю, она упертая особа.

– Да. Ты уже... упоминал об этом.

– Но должна же она когда-то выйти замуж! И честно говоря, я не вижу лучшего жениха, чем ты. – Сложив ладони, он устремил взор в небо: – Молю Господа,

чтобы она согласилась.

Александр обрадовался, узнав, что Магнус так высоко его ценит. Покидая шатер, он предвкушал удачу.

Пусть Ханна упряма, он тоже упрям. И всегда добивался цели. А его целью была она. И ее земля.

Глава 3

Ханна устроилась на любимой скамье в саду и со вздохом открыла долгожданную книгу. Было невозможно читать на обратном пути из Баррогилла, потому что дорога была очень ухабистой. Да и в мыслях был только тот человек.

Ее гнев все возрастал. Она пыталась что-то узнать о нем, но было очень трудно это сделать, не выдав отцу своего интереса. А если отец что-то заподозрит, это наверняка приведет к беде. Кроме того, никакого особенного интереса не было. Она просто хотела знать, кто он, чтобы избегать его в будущем. И не важно, что при этом она мечтала о нем.

Наконец Ханна решительно выбросила из головы все мысли о незнакомце и попыталась сосредоточиться на занимательном трактате о севообороте. Но тут ее грубо прервала просвистевшая над ухом стрела. Нечасто стрелы свистят над ухом того, кто читает в саду книгу по агрономии. Но когда это происходит, необходимо провести расследование.

Ханна заложила пальцем книгу и встала. Это было ошибкой, потому что следующая стрела пролетела гораздо ближе. Она почувствовала, как щеку обдало горячим воздухом. И тут же нашла нападавшего. Сделать это было нетрудно: необыкновенно белые волосы выделялись на фоне темных стволов, как маяк!

– Мари Изабелл Макбин! Немедленно прекрати стрелять в меня! – завопила Ханна во весь голос, поскольку племянница обладала раздражающей особенностью игнорировать все, что не желала слышать.

Изабелл вставила в тетиву крошечного лука еще одну стрелу. Крошечный лук для крошечного ребенка, зато стрелы остры, как у любого лучника. Ханна посчитала благоразумным увернуться. Как только стрела попала в многострадальное дерево, девушка, топчя цветы, метнулась к племяннице.

- Что ты делаешь, дорогая? - спросила она деланно беспечным тоном, ловко выхватывая оставшиеся стрелы из колчана.

Изабелл изумленно моргнула, словно Ханна появилась из воздуха.

- О, здравствуйте, тетя Ханна. Я упражняюсь. Мама сказала, нужно много упражняться.

Боже, о чем только думает Сюзанна, давая в руки пятилетней дочери лук и стрелы и разрешая стрелять в обитателей Рея? Того и гляди, здесь будет гора трупов!

- Только не в саду, дорогая.

Где читают люди.

Огромные голубые глаза распахнулись. Длинные кружевные ресницы затрепетали.

- Значит, лучше идти в библиотеку?

- Господи боже, нет! - Страшно даже представить - все ее любимые книги, оцетинившиеся стрелами, подобно ежам! Ханна попыталась сурово нахмуриться, но ей это не слишком удалось, веселье Изабелл было заразительным. - Ты едва не утыкала меня стрелами!

Изабелл прижалась к ней и прошептала:

- Я специально промахнулась, когда стреляла в тебя.

Она широко улыбнулась: очаровательная смесь лукавства и озорства, и ямочки, перед которыми невозможно устоять. Откуда у нее эти ямочки? Возможно, они

позаимствованы у самого дьявола.

- Можно мне получить стрелы обратно.

- Ни за что!

Ей еще повезло, что Ханна их не переломала!

- Пора завтракать. Уверена, что твоя мать гадает, куда ты подевалась.

Изабелл поправила пустой колчан и фыркнула, чем, как ни странно, очень напомнила мать.

- Она еще спит.

- Не сомневаюсь, что это ты ее утомила. - Ханна попыталась отнять у нее лук, но Изабелл крепко в него вцепилась.

Ладно, может, в следующий раз. Если Ханна будет хитрее. Лук определенно должен исчезнуть. Может, все свалить на Серую леди? Замковые призраки очень подходят для подобных вещей.

- Пойдем, - велела Ханна, обнимая племянницу за худенькие плечи и уводя ее в дом.

Сердце Ханны наполнилось радостью, как всегда, когда ее взгляд падал на древние стены дома из розового камня. Зрелище было поистине поразительным, особенно сейчас, в свете раннего утра, под поцелуями нежных губ рассвета.

Небеса милостивые, как она любила свой дом! Любила в нем все, от деревни Кайрен Реей до последней хижины. Она любила слуг, ремесленников, хозяев лавок, рыбаков. Любила вкус кислых яблок Рея и сладкий аромат верескового меда. Любила управлять делами, надзирать за работой людей. И она любила своих родных. Ее жизнь была здесь.

Ханна не хотела уезжать. Но если она выйдет замуж, придется это сделать. Жены обычно перебираются к мужьям. По крайней мере, ей так твердили.

Когда они вошли в дом, отец уже сидел за столом в окружении груды бумаг. На миг он прекратил работу, чтобы крепко обнять внучку. Та вывернулась и поспешила к буфету, посмотреть, что там стоит, и моментально залезла руками во все блюда. Ханна постаралась отвести глаза от расстроившего ее зрелища. И как раз вовремя: Изабелл с азартом облизала овсяную лепешку, прежде чем положить ее обратно на тарелку. В этот момент в комнату вихрем ворвалась Сюзанна.

Сюзанна всегда врывалась в комнаты. Она была не женщиной, а неуправляемой силой природы. Повесила лук на спинку стула и, проигнорировав хмуро сдвинутые брови отца, – он не одобрял присутствия оружия за столом, – подошла к буфету и положила на тарелку все, что хотела съесть.

– Доброе утро всем! – улыбнулась она, садясь рядом с дочерью и целуя мягкие белые локоны Изабелл. Та, увлеченно поедая кексы, проигнорировала мать. Но Сюзанна словно ничего не заметила. – Какой чудесный день!

Ханна приняла самый суровый вид:

– Изабелл снова стреляла в саду.

Возможно, сплетничать нехорошо, недаром Изабелл злобно уставилась на нее, но нужно же что-то делать! Иначе скоро в саду найдут труп.

Сюзанна, просияв, повернулась к дочери.

– Превосходно! Попала во что-нибудь?

– Она едва не попала в меня, – проворчала Ханна, но и сестра, и племянница притворились, будто не слышат.

– Я едва не попала в кролика.

– Изумительно, мой маленький воин! В следующий раз обязательно принесешь на кухню кролика!

Изабелл широко улыбнулась, показав очаровательные ямочки на щеках. В следующий раз она, возможно, и правда убьет кролика! Бедное животное.

– Я не прочь отведать жаркого из крольчатины, – пробормотал папа. Ханна нахмурилась. Не стоит поощрять проказы ребенка!

Впрочем, Изабелл особого поощрения не требовалось.

Ханна решила громко возразить против того, чтобы ее осыпали стрелами перед завтраком, но поняла, что это бесполезно. К тому же она вспомнила, что так и не позавтракала. При этой мысли в животе заурчало. Она подошла к буфету, пытаясь найти хоть какую-нибудь еду, которую предварительно не облизали, и остановила выбор на яйцах большого куске говядины.

Когда она уже почти закончила есть, в комнату вплыла Лана. Она остановилась в луче солнечного света, и ее изящное и гибкое тело на миг словно охватило ангельским сиянием. Отблески солнца плясали на золотистых локонах.

Наверное, внезапно вспыхнувшая зависть была недостойна Ханны. Она пыталась игнорировать неуместное чувство, но это было почти невозможно. Недаром рядом с сестрами она казалась себе... ничтожной.

Но тут Лана улыбнулась, и недобрые чувства Ханны развеялись. У Ланы была волшебная улыбка, успокаивающая, утешающая, нежная, от которой всем в комнате становилось лучше и легче. Лана была особенной, она обладала необычным даром. И хотя Ханна часто ее не понимала, все же она старалась поддерживать чудачества сестры.

– Доброе утро, – тихо сказала Лана, проходя к буфету и наполняя тарелку беконом.

Ханне очень хотелось бекона, но она не обладала стройностью Ланы. Если бы она ела все, что хочет, ее, возможно, приходилось бы катать по дому, потому что она превратилась бы в бочонок. Это само по себе было ужасно несправедливо. Но жизнь часто несправедлива.

Немного подумав, Ханна выбрала кекс, хотя, возможно, его уже облизали, и вернулась к столу.

Отец пронзил ее взглядом острее любой стрелы.

- Пришло новое предложение, девочка.

Она постаралась не поморщиться. Ужасная тоска комом осела в горле.

Ханна так ненавидела, когда ей делали очередное предложение! Каждое было еще более угнетающим, чем предыдущее. Ее поклонников, как правило, сложно было назвать красавцами. У Дирлота из ушей лезли пучки волос. Олриг был отвратителен и ходил вперевалочку. Бримсу было не менее восьмидесяти. Кроме того, он имел неприятную привычку отхаркиваться. Не то чтобы она так уж возражала против этого, но когда комки слизи попадают в суп...

- О-о-о, - проворковала Сюзанна, намазывая маслом булочку. - Кто на этот раз?

Она послала Ханне лукавый взгляд. Почему бы нет? Сюзанна знала, что Ханна в безопасности. До тех пор, пока ее силой не заставят выйти замуж, ей ничего не грозит.

- Снова Стаффорд? - нахмурилась Лана.

- Надеюсь, нет. - Ханна передернулась при воспоминании о поцелуе Нилла. Мало того что он попытался ее изнасиловать, его поцелуй напоминал прикосновение к дохлой рыбе. Она представить не могла, что будет жить с ним, не говоря уже о том, чтобы снова его поцеловать. Она надеялась получить мужа, которого захочет хоть иногда целовать. Особенно теперь, когда поняла, каким может быть поцелуй...

Перед глазами снова встало волевое, грубоватое лицо. Изнемогая от досады, она выбросила из головы все мысли об этом невероятном, сводившем ее с ума человеке и сосредоточилась на застольной беседе. По крайней мере попыталась.

- Это от Даннета.

Она понятия не имела, почему отец при этом фыркнул.

– Даннета? – переспросила Сюзанна, пронзив вилкой яйцо-пашот. Она обожала пронзать все подряд. Желток выплеснулся наружу, и теперь она наблюдала, как он течет по тарелке. – Это тот противный старикашка? – уточнила она, ехидно глядя на сестру. – Он будет рад прибрать к рукам твое приданое.

Ханна едва удержалась, чтобы не высунуть язык.

– Это был его дядя, – пояснил папа, презрительно скривив губы. – Никогда его не любил. Он умер несколько лет назад. Напился до синих чертей и свалился со стены замка. Все унаследовал Александр. – Он произнес это с таким видом, словно имя что-то значило. – Хороший человек. Не слишком красноречивый, но хороший. Вы друг другу подойдете. Он один из тех немногих баронов, кто выступал против чертовых усовершенствований.

– Не знаю, как можно называть это усовершенствованиями, – взорвалась Лана. – Изгонять арендаторов и ввозить овец?

Изабелл кивнула, дожевывая кекс:

– Овцы глупы.

– Совершенно верно, – согласилась Ханна. – Но политические принципы не могут быть единственным соображением, по которому я выберу мужа.

– А разве есть какие-то соображения, по которым ты выбираешь мужа? – прищурилась Сюзанна. – Судя по тому, что я вижу, ты отвергаешь всех и каждого.

– Почему всех? – пробормотала Ханна. – Я просто благоразумна.

По какой-то причине это замечание развеселило Лану. Ее смех пронесся по комнате.

– Что тут смешного? – нахмурилась Ханна.

- Ты, - пояснила Лана, - когда считаешь себя благоразумной.

- Я всегда благоразумна.

Теперь уже смеялись все остальные.

- Но так и есть! - защищалась Ханна.

- Ты импульсивна! - объявила Сюзанна.

- Порывиста. - Лана погладила Ханну по руке.

- Безрассудна, - добавила племянница.

- И ты, Изабелл? - поморщилась Ханна.

Демон в обличье ребенка широко улыбнулся.

- Подумай хорошенько, девочка. - Отец театрально вздохнул. - Даннет владеет плодородными землями и имеет много сторонников. Ему служит целая армия воинов. Даже маркиз Стаффорд не решился бы пойти против него. И он здоров и силен. Не слизняк, от которого не дожدهшься крепких сыновей.

- Я даже не знакома с ним.

- Возможно, ты его видела. Он был в Баррогилле. - Глаза отца неизвестно почему блеснули.

По спине Ханны пробежал озноб.

- Он туда приезжал?

- Да. И был первым в метании бревен. Очень впечатляющее зрелище.

- Он... он... победил...

Сердце Ханны билось так, что было трудно дышать. Мысли металась в голове, словно испуганные птицы. Щеки запылали, когда она вновь представила незнакомца. Нет. Это не может быть он.

И почему у нее внезапно перехватило горло?

Сюзанна бросила на сестру пронизательный взгляд. Ее губы дернулись.

– Даннет, вот как? Высокий, с черными кудрями? Широкие плечи и мощные мускулистые ноги?

Ханна была готова прибить сестру.

– Тот, что со шрамом?

Его лицо снова встало перед мысленным взором Ханны, словно было навеки выжжено в памяти. Шрам? Да, у него есть шрам. Но он придает лицу незнакомца воистину первобытную привлекательность.

– Да. – Глаза отца загорелись. – Он самый. Ханна, ты его видела?

Видела? Она целовала его. А он отверг ее. Умчался без единого слова. И каждый раз при воспоминании об этом она вновь испытывала унижение. Но теперь... теперь он делает ей предложение? Почему?

Съеденный завтрак жег желудок. О небо! Она знала почему.

Хотя ее поцелуй вызвал у него отвращение, он каким-то образом прознал про ее богатое приданое и хочет его получить. Очевидно, очень трудно противостоять желанию завладеть Реем. Даже если придется взять в жены синий чулок, поцелуи которого так ему противны!

Ярость вспыхнула в ней с новой силой, а вместе с ней и боль.

– Я не выйду за него, – выпалила Ханна, хотя не собиралась делать ничего подобного. Просто открыла рот, и слова полились сами, словно под давлением, сжимавшим ее грудь.

Разочарование во взгляде отца причинило ей боль.

- Тебе придется выбрать одного из них, девочка. Я не буду жить вечно, а стервятники уже кружат.

- Разумеется, ты будешь жить вечно, - возразила Сюзанна, глядя его по руке.

Но он проигнорировал ее.

- Ханна, моя маленькая девочка, тебе придется выбрать жениха, - устало произнес он.

Сердце Ханны стукнуло раз и замерло.

- Папа! Ты... здоров? - Она посмотрела на его измученное лицо.

- Силен, как медведь, - ворчливо похвастался он. - Но время на исходе. - Он судорожно сжал ее руку, чем еще больше напугал. - Пообещай, что скоро выберешь, - прошептал он.

- Обещаю.

Ах, милосердные небеса! Слова дались ей так трудно... но она поступила правильно, потому что с лица отца исчезла тревога и он даже улыбнулся.

- Хорошо. Хорошо. Итак, каковы ваши планы на сегодня, девочки?

- Я иду стрелять, - прощепетала Изабелл.

- Надеюсь, не в библиотеке, - вставила Ханна.

Сюзанна недоуменно взглянула на сестру, но ничего не сказала.

- Я вместе с Торкилом собираюсь работать на пасеке.

Ханна наморщила нос. Она любила мед, но пчелы имели неприятную привычку жалить.

- Поосторожнее там.

- Я всегда осторожна, - отмахнулась Сюзанна.

Наглая ложь!

- А я хочу прогуляться по лесу, - объявила Лана и подмигнула Изабелл. - Пожалуйста, постарайся не застрелить меня.

- Постараюсь, - ухмыльнулась девочка.

- А ты, Ханна? - спросил отец. - Какую шалость замыслила ты?

Никаких рискованных шалостей.

- Думаю прогуляться верхом.

Изабелл тихо ахнула, а Сюзанна хихикнула:

- Вот так сюрприз!

- Вельзевул застоялся в конюшне. Конюхи слишком боятся его, поэтому не седлали, пока нас не было.

- Неудивительно, - кивнул отец. - Этот зверь - воплощенное зло.

- Он великолепен.

Так и было. И она скучала по этому коню, больше того, ей не терпелось проехаться.

Ханна встала и поцеловала отца в макушку:

– Желаю самого прекрасного дня, папа! – сказала она, выходя из комнаты.

– День будет прекрасным, если ты выберешь мужа, – крикнул он ей вслед.

Ханна вздохнула. Отец всегда хочет, чтобы его слово было последним!

Направляясь к конюшне, она дала себе обещание насладиться сегодняшней прогулкой, даже если для этого придется выбросить из головы всех поклонников. Особенно Александра, лэрда Даннета. О нем она не собирается думать. Вообще никогда.

Когда Ханна приблизилась к Вельзевулу, тот яростно грыз удила.

– Здравствуй, дорогой, – пропела она. Конь мотнул головой, обдав Ханну слюной. – Тебе не терпится побегать?

Он действительно был великолепным жеребцом, с блестящей вороной шкурой без единого пятнышка. И да, он вселял настоящий ужас, по крайней мере в тех, кто не понимал его.

Ханна обожала Вельзевула. Он был свиреп и неукротим, и мчался, как ветер. Она никогда не чувствовала себя легче, свободнее, чем в те минуты, когда сидела у него на спине.

– Миледи, – начал Рори, дернув себя за прядь волос на лбу, – он готов и ждет.

– Спасибо, Рори. У тебя с ним было много неприятностей?

Красные щеки конюха говорили за него. Пытаясь не хихикнуть, Ханна повела животное к колоде, чтобы без помех взобраться в седло.

– Вам нужен эскорт? – спросил Рори, тревожно морща лоб. Он прекрасно знал, что не стоит предлагать помощь.

Ханна послала ему улыбку и взяла поводья. Он спрашивал об этом каждый раз, когда она ехала на прогулку. Оба знали ответ.

Она без колебаний пришпорила жеребца, и он пулей выскочил во двор, предвкушая бешеную скачку.

Когда они мчались по булыжникам двора и выезжали из ворот, во все стороны с громким кудахтаньем разлетались куры и с жалобным блеяньем разбегались овцы. А оказавшись на дороге, они полетели! Это было чудесно.

И день выдался замечательный. Дул прохладный ветерок, на голубом небе собирались легкие облачка, солнце лило на землю теплые лучи. Правда, облака становились все гуще: наверняка позже пойдет дождь. Но пока дорога к озеру была сухой. По ее обочинам росли яркие полевые цветы. Кто-то назвал бы их сорняками, но Ханна любила все цветы, даже сорняки.

Как давно она не ездил верхом!

Ханна решила объехать озеро. Этого достаточно, чтобы размять Вельзевула, согреть его мышцы, но при этом не утомить. Хотя он будет мчаться во весь опор, пока она позволяет. Кроме того, Ханна любила эту извилистую дорогу, идущую через лес. Ехать по ней куда более волнующе, чем по прямой дороге на восток.

Девушка низко пригнулась к шее Вельзевула, подгоняя его, наслаждаясь развевающим волосы ветром и вкусом приключения. Она не обращала внимания на столбы пыли, которые поднимал Вельзевул. В голове Ханны теснились мысли, от которых невозможно было сбежать.

Не последней была мысль о том, что как только она выберет мужа, больше не будет бесшабашных поездок вроде этой. Муж, конечно, захочет ограничить ее свободу, запереть в доме. Она видела, как многие свободолюбивые подруги меняли свою независимость на цепи с железным шаром, как у каторжников.

Другие мысли тоже были не слишком приятными и в основном касались высокого, молчаливого, свирепого мужчины, которого она бы желала, если бы не его грубость. Но тот факт, что он сделал ей предложение... Она разрывалась между желанием и раздражением.

Больше всего на свете Ханна хотела от мужа тепла. Она желала мужа, который будет смеяться с ней, делиться своими мыслями. Кого-то, кто примет ее, как равную. А если он к тому же окажется уступчивым – тем лучше.

Даннет – этот жестокий, мрачный воин вовсе не похож на такого человека, но она не могла выбросить из головы тот поцелуй. Вернее, тот момент, когда он так резко оборвался. А потом Александр отпрянул и взглянул на нее с этим непонятым выражением на лице.

Что это было? Отвращение? Омерзение? Так или иначе, ее обдало холодом. И все из-за него. А это ей не нравилось.

Однако папа прав, говоря о сторонниках Даннета. Последнее время участились набеги на дальние деревни: слишком много воров и разбойников слонялось по дорогам. Хорошо бы иметь дополнительную защиту от последствий огораживания на западе. Будь проклят Стаффорд!

Но насколько глупой нужно быть, чтобы выйти за Даннета? Человека, который заставил ее почувствовать себя всего лишь чем-то вроде клочка земли...

Вельзевул встал на дыбы, и сердце Ханны подпрыгнуло. Она отчаянно вцепилась в поводья, чтобы конь не сбросил ее, и откинулась назад, чтобы как-то обуздать жеребца. Вельзевул продолжал плясать. Она подняла глаза и застыла. Желудок судорожно сжался.

Дорогу загородили трое всадников. Она видела их впервые.

Ханна нахмурилась. Она провела здесь всю жизнь и знала каждого местного обитателя, но в последнее время в Рее то и дело стали появляться незнакомые люди, обычно под покровом ночи и с дурными намерениями.

Успокаивая жеребца, она одновременно потянулась за кинжалом, который прятала в поясе. Нащупала рукоять, и паника немного успокоилась. Если они задумали недоброе, у нее, по крайней мере, есть оружие.

– Кто вы? – спросила она.

Самый огромный из троих улыбнулся. Улыбка отнюдь не была приятной.

– Это она, – произнес он, и Ханне вновь стало не по себе. – Он сказал, что она поедет этой дорогой.

Он? Кто это?

– Что вы хотите? – Ханна сжала коленями бока лошади, безмолвно приказывая Вельзевулу быть готовым в любую секунду развернуться и бежать. Мускулы коня задрожали. Он заржал и, мотнув головой, закатил глаза.

Ханна, насторожившись, оглянулась. Ее сердце упало, когда из леса выехали еще двое, перегородив дорогу сзади. И одним из них был Нилл.

Ханна развернула лошадь и гневно уставилась на Нилла.

– Какого черта ты здесь делаешь? – прорычала она.

Тот покачал головой и с сожалением прищелкнул языком, отчего ее раздражение только возросло. Она ненавидела его снисходительные манеры и сейчас пришла в ярость.

– Послушай, Ханна, разве я тебя не предупреждал?

– Предупреждал? О чем?

– Я же говорил, что решил взять тебя.

О, господь в небесах, что ей делать?

– Нилл, я не выйду за тебя! – громко выдохнула Ханна.

– Конечно, выйдешь, девушка, – ухмыльнулся всадник рядом с Ниллом. – Ты можешь стать маркизой.

– Плевать я хотела на титулы.

– Мой отец могущественный человек, и когда-нибудь он станет герцогом, – объявил Нилл. – Судя по слухам, твой отец слабеет. Он сильно болен и не помешает моему отцу взять то, что он хочет. А он хочет Реей.

Нилл подвел коня ближе, слишком близко, отчего ей вновь стало нехорошо. Как только конь Нилла подошел, Вельзевул вновь заплясал: очевидно, происходившее не нравилось и ему. Ханна, в отличие от Нила, знала: конь не любил, когда его теснили, и мог напасть. Укусить или лягнуть. Все же она не предупредила Нилла. Потому что теперь, когда он подъехал к ней, между ним и вторым всадником образовался просвет. Не слишком большой, но достаточный, чтобы рвануться вперед, если представится возможность.

– Папа не слаб.

– Не только слаб, но и стар. А силы его людей просто смехотворны. Помнишь ту ферму, что сгорела на прошлой неделе?

Ханна насторожилась. Пожар стал жуткой трагедией. Никто из живущих в доме не спасся. Муж, жена, ребенок – все погибли в пламени.

– Ты о чем?

– Какая жалость, – сально улыбнулся Нилл.

– Хочешь сказать, что причина пожара – ты?

Ужас скрутил внутренности Ханны.

– А скот, который постоянно исчезает?

Холодный кулак стиснул сердце девушки. Озноб пополз по спине.

Проклятье! Так это он? Он во всем замешан?

– Все будет еще хуже, если не выйдешь за меня сейчас. Представляешь, каким кошмаром обернется пожар в зернохранилище? Или внезапное исчезновение

твоей сестры?

Лицо Нилла было так близко, что она вновь ощутила смрад его дыхания.

– Или если твой бедный па свалится с обрыва?

На лбу Ханны выступил пот. Ладони неприятно взмокли. Ее страшила сама мысль о том, что папа, Лана, Сюзанна или Изабелл попадут в беду.

– Ублюдок! – прорычала она.

– Разве так полагается разговаривать с мужем? – У него хватило наглости принять оскорбленный вид.

– Иисус, Мария и Иосиф! Нилл! Сколько раз повторять: я не выйду за тебя!

– Выйдешь! Если бы этот подонок Даннет не вмешался там, в Баррогилле, мы уже были бы женаты.

Это вряд ли!

Нилл оглянулся на своих людей, тоже подгонявших коней ближе.

– Мы здесь, чтобы как можно скорее устроить свадьбу. Сегодня. Ты только облегчишь свое и наше положение, если поедешь без сопротивления.

Он взмахнул поводьями, и лошадь двинулась вперед. Вельзевул заржал и стал рыть копытом землю, но Нилл не обратил на это внимания, потому что всегда был глупцом. Внезапно он подался вперед и схватил ее за рукав. Ханна дернулась, раздался громкий треск рвущейся ткани.

Ярость застилала ей глаза. Ханна издала похожий на рычание звук. Это платье было ее любимым!

Нилл снова попытался дотянуться до нее, но Ханна выхватила кинжал и атаковала. Нилл едва успел увернуться, но в это время Вельзевул сделал то, что

давно хотел сделать, – укусил лошадь Нилла за круп. Животное отпрянуло с почти человеческим воплем, выкинув Нилла из седла. Он упал на землю и грязно выругался.

И тут Ханна увидела свой шанс: широкий просвет, через который можно было сбежать. И она этим шансом воспользовалась. Когда она пролетала мимо, спутник Нилла попробовал ее удержать, но Ханна увидела его руку и встретила ее ударом кинжала. Она не остановилась посмотреть, глубока ли рана, просто пришпорила Вельзевула, и тот вырвался на свободу. Мужчины, конечно, последовали за ней. Позади слышались конский топот и яростные крики, но ни одна лошадь не могла догнать Вельзевула, так что Ханна почти сразу же оставила всех позади.

Ярость, вне всякого сомнения, дала ей крылья. В крови кипело возмущение.

Нилл хотел доказать, что ее отец слаб, пытаюсь умыкнуть дочь? Заставить ее родных страдать, чтобы привести Ханну к повиновению. Но она скорее умрет, чем покорится подобному человеку! Эта земля принадлежит ей, а не чертову маркизу Стаффорду или его сыну!

Провались они ко всем чертям! Как он посмел попытаться похитить ее и силой вынудить стать его женой? Это подлое злодейство не должно остаться безнаказанным!

Но что они могут сделать? Их владение было совсем небольшим, оно располагалось среди других небольших владений. Их сюзерену, герцогу Кейтнессу, плевать на их безопасность и благополучие. Они могут послать жалобу ему или самому принцу-регенту, но Ханна сомневалась, что он потрудится ответить. Англичане считают шотландцев дикарями.

Выступить одним против Стаффорда тоже невозможно. Это было ясно. Отец мог поставить под свои знамена прекрасных людей, но их было недостаточно, чтобы победить Стаффорда. Недостаточно даже, чтобы отпугнуть его.

Значит, долг Ханны – защитить ее людей от дальнейших нападений. И единственный способ – заключить союз с человеком, который заставит Стаффорда призадуматься.

На ум приходил только один мужчина из всех ее поклонников. Пусть он хочет ее только из-за приданого. Пусть он угрюм и груб. Теперь это не важно.

Примчавшись в замок, она спешила и бросила поводья Рори, после чего ворвалась в кабинет отца. Тот раскрыл рот при виде растрепанной, в порванном платье дочери.

– Ханна! Что случилось?

– Немедленно пошли Даннету послание, – скомандовала она, прежде чем успела утратить решимость. – Напиши, что я приняла его предложение и намерена выйти за него как можно скорее.

Она даже не удивилась, когда отцовские губы тронула улыбка. Он даже не позаботился ее скрыть.

Глава 4

Так. Чертовски. Здорово.

Александр поймал шпагой шпагу противника. Раздался громкий звон стали. Лезвия скрестились, и рука противника ослабла. Ноги подкосились. Он развернулся и попробовал напасть на Александра с другой стороны, но тот был готов блокировать удар. И стал наступать, делая выпад за выпадом, тесня противника к стене. Разбойник споткнулся о бугорок и плюхнулся на зад. Оружие покатило по земле. Широко раскрытыми глазами он уставился на Александра. Лицо исказила гримаса отчаяния. Ясно, он решил, что конец близок. Но Александр не собирался убивать негодяя, хотя тот этого заслуживал. Он просто хотел преподать урок ублюдку.

Александр, в свою очередь, отбросил шпагу, схватил разбойника за шиворот и поднял.

– Прекрати, – велел он, всадив кулак ему в живот, – красть.

Еще один удар. Последний пришелся в острый подбородок, после чего Александр отпустил негодяя. Тот с громкими стонами рухнул в грязь.

- Ну и ну, - раздался высокий голос за спиной Александра. - Забавно было наблюдать.

Александр, все еще не остыв, круто развернулся. Он был взбешен, застав участников набега на месте преступления, и решил немедленно показать им, кто здесь хозяин. Земли и люди Даннета будут защищены от любой опасности.

- Ты мог бы помочь, - сказал он брату, нахмурившись.

Эндрю пожал плечами и положил руку на рукоять шпаги, спрятанной в ножны шпаги. Его голубые глаза лукаво искрились. Он улыбался, отчего на щеках появились ямочки.

- Зачем? Ты и так слишком развеселился. Не хотел портить тебе удовольствие. - Его ухмылка была чуть кривоватой. Как всегда.

Они были словно две стороны одной монеты: Александр - темноволосый и молчаливый, Эндрю - светловолосый и жизнерадостный, с лицом древнегреческого бога, безупречным до последней черточки. А белоснежные пряди его волос приковывали взгляды всех женщин без исключения. Хотя оба были настоящими великанами, сильными и мускулистыми, и в их жилах текла кровь древних викингов, вся красота досталась Эндрю.

Александр следовало бы ненавидеть брата за легкость, с которой он шел по жизни. Но он не испытывал к нему ненависти. Эндрю был слишком обаятельным, черт его подери, чтобы питать к нему неприязнь только потому, что он ничем не походил на старшего брата. Кроме того, Эндрю был единственной родной душой в мире, и Александр крепко любил его.

Скрывая нахлынувшие эмоции, он нагнулся, поднял шпагу и вытер грязь о траву.

- Спасибо за такую помощь, - буркнул он.

– Но я считаю это огромной жертвой, – с невинным видом заявил Эндрю. –
Имеешь ли ты хоть какое-то понятие о том, каких усилий мне стоило проявить
такую сдержанность? Я бы много дал, чтобы наказать этого подонка.

Да. Эндрю любил сражаться на шпагах. И наказывать подонков. Для него это
было чем-то вроде спорта.

– Но я хотел, чтобы ты получил удовольствие.

– И снова спасибо тебе.

– Тебе нужно было отвлечься.

– Ты о чем? – Александр скрипнул зубами.

– Ты в самом деле не понимаешь? – Эндрю отрывисто засмеялся. – С тех пор как
ты вернулся из Баррогилла, ты напоминаешь медведя с раненой лапой.

Так оно и было. Он вел себя еще более отчужденно и грубо, чем обычно. С тех
пор как он послал предложение Магнусу, на уме было только одно. Ханна.

Возбуждение постоянно сменялось неуверенностью и страхом. Она отказывала
всем своим поклонникам. Вполне возможно, откажет и Александру. Но теперь,
когда он решил жениться и присоединить земли Рея к своим владениям, он не
мог вынести мысли о том, что она скажет «нет». И не мог отделаться от
воспоминаний о ее сладких губах и соблазнительных изгибах...

А тот поцелуй... Господь на небесах! Этот поцелуй...

При воспоминании о том поцелуе его охватывал озноб. Наверняка это хороший
знак и она примет его предложение. Страсть, которая чувствовалась в этом
простом поцелуе, почти ослепила его, окутала туманом его разум, извела
мыслями о черном шелке ее волос. Каково будет намотать их на руку, что он при
этом почувствует? Каково будет целовать эти розовые губы, смотреть в
янтарные глаза? Обнимать ее тело, полное, соблазнительное и такое мягкое...

Он постоянно видел ее перед собой, чаще, чем мог допустить. Особенно по ночам, когда вся работа была сделана, когда он лежал в холодном плену огромной кровати... один. Он думал о ней. Мечтал о ней. И в эти минуты в нем росло желание. А самообладание куда-то исчезало. Даже страх быть ею отвергнутым не уменьшал его одержимости.

Она может сказать «нет», но может сказать «да», и это наполняло его невыразимым восторгом.

– Да. Ты чем-то озабочен, – заметил Эндрю, став серьезным. Отведя взгляд, он добавил: – Надеюсь, ты скоро станешь прежним.

– Я тоже надеюсь.

Ожидание становилось невыносимым.

Лежавший на земле мужчина пошевелился и, воровато оглядываясь, удрал. Братья смотрели ему вслед.

– Догнать его? – спросил Эндрю.

Александр покачал головой:

– Нет. Пусть бежит. Пусть вернется к Олригу и объяснит, почему пришел с пустыми руками.

Пусть Олриг знает, что лэрд Даннета больше не станет терпеть жалкие попытки вывести его из себя.

– Считаешь, за этим стоит Олриг?

– Да.

Действительно, после той стычки в Баррогилле ситуация на границе резко ухудшилась. Слово Олриг отдал приказ преподать ему урок и донимать, пока он не подчинится.

Ублюдку следовало бы знать, что все его усилия тщетны. Александра нельзя достать. Нельзя привести к повиновению. Нельзя поставить на колени. Нельзя запугать так, чтобы он присоединился к компании Олрига. Нельзя уговорить совершить в отношении своего сюзерена то, что он считал предательством.

– Продолжим? – спросил Эндрю.

Александр кивнул и направился к Уоллесу, терпеливо стоявшему на холмике и щипавшему траву. Знаком он велел своим людям вернуть похищенный скот фермеру, у которого тот был украден. После чего вместе с братом они продолжили объезжать фермы, проверяя, все ли в порядке у арендаторов.

По пути они завернули к Агнес, пожилой вдове, жившей на границе. Фактически она была вассалом Олрига, но у Александра вошло в привычку время от времени завозить ей баранью ногу или курицу. Бедняжка была почти прикована к постели, и если не считать сына, который каждый день работал на ее полях, жила совсем одна.

Но возможно, это только вопрос времени: Олриг вспомнит о ней, а когда вспомнит, обязательно изгонит. Александр хотел дать ей знать, что, когда это произойдет, она будет желанной гостьей в Даннете.

Закончив объезд, братья отправились обратно в замок. Когда они миновали подвесной мост через ров и въехали во двор, навстречу поспешил Фергус, управляющий Александра.

Александр удивленно поднял брови. Фергус никогда не спешил.

– Милорд, – пропыхтел он, подбегая.

Александр спрыгнул на землю и, стараясь не поморщиться, устремил взгляд на лицо Фергуса. Хотя управляющий был давно ему знаком и по-своему дорог, очень трудно было оставаться спокойным, созерцая его шрам. Это зрелище воскрешало воспоминания, которые он жаждал забыть, пробуждавшие в нем угрызения совести.

– Да, Фергус? – Александр решительно выбросил из головы неуместные мысли.

Губы управляющего сложились в нечто, напоминающее улыбку, но поскольку кожу стягивал шрам, было нелегко отличить улыбку от гримасы.

– Оно пришло, милорд.

Александр замер. Мышцы напряглись, нервы натянулись до предела.

– Что именно?

– Письмо, милорд. Письмо от Даунрея. Оно пришло.

Святой боже!

Александр смотрел на лежавшее на деревянной столешнице письмо, лениво почесывая за ушами Бруида. Пес, свирепый защитник и преданный друг, начинал слегка его покусывать, когда он останавливался.

Александр хмыкнул и снова взъерошил мех Бруида. Поглаживание собаки успокаивало его пребывавшие в смятении мысли. Он разрывался между желанием открыть письмо и прочитать, что там написано, и страхом узнать, что ему отказали. Александр сам не знал, почему так колотится его сердце. А может, и знал.

Рассматривая клочок пергамента, от которого зависела его судьба, он запил вином овсяную лепешку. Бросил кусочек Бруиду, но тот поймал его и тут же выплюнул.

Александр вполне понимал пса. Ему тоже не слишком нравились овсяные лепешки, но Мораг так гордилась своим рецептом, передаваемым от кухарки к кухарке из поколения в поколение, что он был просто обязан каждое утро съесть хотя бы одну. Он предпочел бы почки или большой ломоть соленой свинины, или даже пудинг, но таковы уж жертвы, которые должен приносить лэрд. Черт, какая жалость, что пес отказывался его выручить!

Он резко отодвинул письмо Даунрея и сосредоточился на остальной корреспонденции. Конечно, это трусость. Но у него много обязанностей, на его

плечах лежит гора дел.

Тем не менее сосредоточиться на прочих делах ему было трудно, но он заставил себя напрячься.

Александр быстро справился с работой и наконец потянулся к письму, лежавшему последним в грудe. Это оказался отчет от управляющего в Лите, он описывал конфликт, который требовал участия мирового судьи.

Александр вздохнул. Поскольку он лэрд, его долг разрешать такие конфликты. Это означало, что придется выкроить время и поехать в деревню, чтобы выслушать жалобы. Он мог бы послать Эндрю, но предпочитал, чтобы его люди видели лэрда и знали, что всегда могут рассчитывать на его поддержку, за которую платили верностью. Верность – то, что связывает их, и эта нить была очень тонкой.

На последнее такое путешествие ушла неделя, но оно того стоило.

Судя по фактам, изложенным управляющим, дело было в земельных спорах, запутанных из-за многочисленных браков с обеих сторон и древних распрей. Страсти разгорелись с такой силой, что требовалось ехать немедленно.

Теперь, когда все было решено, оставалось всего одно письмо. Письмо от Даунрея.

Александр взял письмо дрожащими руками. И хотя он страшился того, что оно могло содержать, он знал, что с такими вещами нужно разбираться как можно быстрее. Если ему отказано, он испытает боль, но, по крайней мере, разрубит узел сразу.

Боже, он надеялся, что все выйдет, как задумано!

Александр сломал печать и пробежал глазами фразы, написанные знакомым почерком друга. Сердце на миг остановилось. Дыхание пресеклось.

Все страхи, все сомнения, все тревоги улетучились. Неопишуемая радость, словно первое дуновение свежего ветерка, затопила душу. Крохотные волны

этой радости пробегали по телу, все внутри дрожало.

Он отложил письмо и потер глаза. Потом снова взял его и перечитал. Только чтобы удостовериться, что все прочитал правильно. Что там ответ, на который он надеялся, о котором мечтал.

«Она приняла твоё предложение».

Александр прочитал каждое слово. Отдельно. Потом выдохнул. Засмеялся. Завопил.

«Она приняла твоё предложение».

Возбуждение наполнило его. Запело в венах.

Она будет принадлежать ему. И скоро приедет.

Он поморщился, сообразив, как мало времени осталось на подготовку. А нужно еще съездить в Лит! Нельзя терять времени, а впереди столько дел.

Он поспешно вытащил стопку пергаментов и принялся писать приказы слугам. Прежде всего необходимо подготовить покои баронессы, смежные с его комнатой, вернее полностью их переделать. Он почти не знал невесту, но был уверен, что ей не понравится бледно-желтая отделка. Ханна не похожа на женщину, любящую желтый цвет.

Он подумал о том, не стоит ли перебраться в куда более роскошные апартаменты покойного дяди, но тут же покачал головой. Он не станет спать в постели Дермида. Хотя тот давно умер, Александр все еще очень хорошо помнил этого гнусного человека. Кроме того, Александр предпочитал вид из западного крыла и был уверен, что Ханне он тоже понравится.

Но какой цвет ему следует выбрать?

Хорошенько все обдумав, он остановился на янтарно-коричневом. Этот цвет теплый и располагающий, как цвет ее глаз.

Потом пришлось перейти к деталям свадьбы. Ханна, конечно, может возразить против его распоряжений, но Александр не собирается давать ей возможность передумать или отложить церемонию. Он намерен подготовить все к тому моменту, как она войдет в двери его замка.

Он наскоро набросал записку приходскому священнику и добавил ее к остальным письмам. Неплохо иметь под рукой священнослужителя. Если повезет, отец Питер выпьет всего бочонок виски и останется трезвым.

Письмо Ханне заняло больше времени. Как приветствовать невесту? У Александра почти не было опыта в написании подобных писем, но он знал, что это самое важное послание. Потому что оно задаст тон их отношениям.

Хотя он редко затруднялся в выборе слов, которые необходимо было перенести на пергамент, сейчас ничего подходящего в его голову не приходило. Он написал письмо в пышном, цветистом стиле, но перечитав, скомкал его и бросил в корзину для мусора. Второе письмо походило скорее на деловое, и его постигла та же судьба. После еще пяти попыток Александр остановился на самом коротком варианте:

«Буду счастлив приветствовать вас в Даннете, где немедленно состоится свадьба».

Не слишком приветливо, но и не совсем безлико. И суть дела изложена точно.

Александр любил, когда суть изложена точно. С огромным удовлетворением он нацарапал свое имя и, приложив печать, оставил письмо на столе вместе с другими, после чего написал еще одну записку, которую невесте передадут по прибытии. В ней он снова приветствовал ее и советовал обращаться к Фергусу, который исполнит все ее приказания. Поскольку Александр не знал, сколько времени займут дела в Лите, это казалось благоразумным. Он не хотел, чтобы она посчитала, будто жених груб и неприветлив. Необходимо, чтобы их отношения начались на верной ноте.

Он уже написал ее имя и приложил печать, когда Бруид зарычал. Но рычанье было ленивым: не столько предупреждение, сколько недовольство тем, что его разбудили.

Ощувив чье-то присутствие в комнате, Александр замер и медленно повернулся. И тут же у него на сердце стало теплее. В дверях стояла маленькая девочка с серьезным личиком и огромными темными глазами. Фиона Макгилл – одна из сирот, прошлой зимой забредших в Даннет в поисках убежища. Их по приказу жестокого лэрда с запада выбросили из домов прямо на снег. Ее бедная мать, сжигаемая жаром лихорадки, умерла у ворот замка.

Очень немногие люди были способны одолеть триста ступеней, ведущих к его убежищу в башне, но Александр предпочитал тишину во время работы. Правда, он всегда был рад видеть Фиону, потому что полюбил девочку, и не только за то, что они страдали одним и тем же недугом. Ее присутствие всегда его успокаивало. Малышка была живым напоминанием о том, что он способен кого-то защитить.

Ее губы безмолвно шевелились, и у него все внутри сжалось. Ему был знаком этот страх и эта невозможность произнести слова, которые не идут с языка. Он терпеливо ждал, пока она боролась с собой.

– Ч-что т-ты д-делаешь? – выдавила она наконец.

– Работаю.

Ее улыбка померкла. Черт! Он не хотел говорить с ней так резко. Только не с этой девочкой.

Александр поспешил подмигнуть ей и протянул к ней руки. Он усадил Фиону к себе на колени, натужно застонав при этом, словно она была тяжела, как булыжник, хотя на деле весила не больше перышка.

Фиона хихикнула и прижалась к нему.

Что-то стиснуло его грудь. Как он мечтал о ребенке! Своем ребенке! До сегодняшнего дня это было лишь смутными грезами, но теперь он женится, и

все будет по-другому. Скоро у него появятся сыновья.

Фиона взяла его перо и стала чертить на пергаменте. Закончив работу, она послала ему гордый взгляд. Но в ее глазах была тень неуверенности, поэтому Александр похлопал ее по плечу:

– Прекрасно, малышка!

– Т-ты м-много пишешь.

– Да, это легче, чем говорить.

Он никогда не изрекал слов правдивее!

Девочка призадумалась.

– М-мне н-нужно бы т-тоже н-научиться писать.

– Верно. Когда станешь старше.

Он поцеловал ее темные локоны и поставил малышку на пол. Хотя он обожал ее общество, все же впереди была еще куча дел.

– Вот. – Он протянул ей перо. Она смотрела на него, как на драгоценность. – Упражняйся!

Девочка прикусила губу, но хотя она старалась сдержаться, на волю вырвалась сияющая улыбка. Она кивнула и, сжимая свое сокровище, выпорхнула из кабинета.

Александр, тоже улыбаясь, смотрел ей вслед. Его душа наполнилась восторгом. Теперь, когда Ханна согласилась стать его женой, у него скоро будут свои дети. Он сделает все возможное, чтобы их жизнь была счастливой, безопасной, полной смеха и любви. Он пожертвует всем, чтобы у его сыновей не было такого адского детства, как у него самого.

Глава 5

– О господи!

Ханна пыталась удержать на коленях кота Ланы, но когда экипаж снова подскочил на ухабе, противное создание стало извиваться, шипеть и царапаться, и так продолжалось до тех пор, пока она не отпустила его.

– Зачем ты настояла на том, чтобы взять его с собой?

Лана звонко и мелодично засмеялась, откинув голову.

Впрочем, почему нет? Нерид никогда не царапал Лану. Нерид любил ее. Вот и сейчас маленькое чудовище прыгнуло на противоположное сиденье и устроилось на коленях Ланы. Та принялась его гладить.

– Ему хотелось путешествовать. А я не желаю чувствовать себя одиноко в Даннете.

Ханна изумленно уставилась на нее.

– Но там буду я!

– Знаю. Но большую часть времени ты будешь проводить с мужем.

При мысли об этом Ханна не смогла подавить дрожь.

– Кроме того, леди Брэл считает, что это он должен был приехать за тобой, – добавила Лана.

Ханна кивнула и устремила взор в окно, на цветущий вереск. Из груди рвался тяжкий вздох.

Лана часто и подолгу беседовала с леди Брэл и ничего не имела против того, что эта леди умерла несколько веков назад. Лану также не смущало то, что никто,

кроме нее, не видел и не слышал Серую Леди, и ей было абсолютно все равно, что некоторые считали ее безумной. В этом было определенное мужество. Оставаться собой, независимо от того, что думает свет. Недаром Ханна считала сестру самой храброй и самой чудесной. Самой милой на свете.

Бедняжка... Она так и не оправилась до конца, переболев лихорадкой, едва не убившей ее. И хотя Ханна не понимала чудачеств сестры, все же мирилась с ними. Но очередная странность неизменно заставляла ее врасплох.

Ханна давным-давно научилась успокаивать Лану и подыгрывать ей, но сегодня у нее просто не было на это сил. Поездка в Даннет заняла несколько дней и оказалась очень утомительной. Верховые, сопровождавшие их, едва плелись, а кот... был невыносим. Помимо всего этого нервы Ханны были натянуты как струны.

Ей было очень трудно покидать дом, особенно потому, что здоровье отца не позволяло ему сопровождать дочь. Он пообещал скоро приехать, но Ханна понимала, что вряд ли увидит отца в ближайшее время.

У нее разрывалось сердце, когда она прощалась со всеми, кого любила, а главное – с Изабелл и Сюзанной, которая при расставании даже заплакала. Мало кто видел слезы Сюзанны, и хотя сестра соглашалась, что свадьба Ханны и Даннета – наилучшее, что может произойти в этой ситуации, она явно тосковала при мысли о расставании с сестрой.

Ханна разделяла ее чувства. Она почти всю жизнь провела в Рее, и все это время рядом были сестры. Прощание с домом и родными оказалось более тяжелым, чем она ожидала. Слава богу, Лана настояла на том, чтобы ехать с ней. Ее успокаивающее присутствие не давало Ханне почувствовать себя абсолютно одинокой.

Ханна подалась вперед и сжала руку Ланы, проигнорировав удар лапой от Нерида.

– Я так рада, что ты поехала со мной! – прошептала она сестре.

– Как я могла не поехать? – Глаза Ланы засияли. – Кто-то из нашей семьи должен быть свидетелем твоего брака с Волком.

Ханна поежилась.

- Не называй его так, пожалуйста.

- Почему нет? Ведь это его прозвище, не так ли?

- Так. Но господи, это так меня...

- Что?

- Пугает. - Ханну передернуло.

- Тебя? - Лана хмыкнула. - Ты ничего не боишься.

- Я много чего боюсь.

- Думаю, мы обе знаем, что только одно заставляет тебя трястись от страха.

- И что же это? - прищурилась Ханна.

- Перспектива не иметь полного контроля над всем.

- Вздор! - Но в душе она знала, что это правда.

Губы Ланы дернулись, словно она видела, что все доводы Ханны - полнейшая чушь.

- Несмотря на то что ты мала ростом, ты абсолютного бесстрашна. Нерид тоже так думает, правда, моя крошка?

Крошка? Этот кровожадный монстр?!

Лана поднесла кота к лицу и зарылась носом в его мех, громко чмокнув животное в мордочку.

Каким-то чудом Нерид это позволил. Посмей Ханна сделать что-то подобное, она потеряла бы глаз. Поэтому она скрестила руки на груди и постаралась не злиться. Ни Лана, ни Нерид не виноваты в том, что у нее ужасное настроение.

Хотя Нерид... может, и виноват. Но она придержала язык и попыталась успокоить расходившиеся нервы. Потому что Ханна сказала правду. Сейчас она умирала от страха. Ну... не умирала, но все равно боялась. Она увидит его снова. И очень скоро. Ее нареченный. Ее жених. Она молилась в надежде на то, что не совершила огромную ошибку.

Да, на него приятно смотреть. От него чудесно пахнет... а целуется он... нет, она не знает, как он целуется. Но отведала вкус его губ – при этой мысли ее одолел голод. Но пусть даже она находит его довольно привлекательным, это еще не значит, что они друг другу подойдут.

Ханна так мало знала о нем. Он мог быть злым и сварливым или чересчур властным, как муж Мэг Таггарт. Он мог оказаться ревнивым или холодным. А ее величайший страх? Он мог запретить ей те вольности, которыми она наслаждалась дома.

Она слишком независима, чтобы жить под мужским каблуком, но, по ее наблюдениям, так жили многие замужние женщины.

Но пока она не встретит Александра, не поговорит с ним, неясно, каким мужем он окажется. Из его записки понять это невозможно.

«Буду счастлив приветствовать вас в Даннете, где немедленно состоится свадьба».

Немедленно. Это слово заставило ее ощетиниться. А общий тон послания раздражал. Слишком повелительный. А помимо этого – холодный, бесстрастный, сухой.

Ханна всем сердцем надеялась, что они подойдут друг другу, но боялась, что этого не произойдет.

По словам папы, которому она доверяла, Даннет был хорошим человеком. Сильным, красивым и не слишком старым. Готовым лечь в ее постель. Но нет никакого сомнения в том, что это брак по расчету. Она согласилась выйти за воина, чтобы защитить своих людей, а он выбрал ее, чтобы увеличить свое состояние. Глупо с ее стороны ожидать чего-то большего.

Ханна решила с надеждой смотреть в будущее и быть счастливой тем, что имеет. И очень постараться не ожидать от него слишком многого. А что касается тех порочных желаний, зажженных его прикосновением... Их она оставит при себе.

Проезжавший мимо Рори послал Лане улыбку, при виде которой в Ханне вспыхнул гнев. Хотя она была рада, что сестра поехала с ней, все же она чувствовала за нее ответственность. Нет, дело не в том, что Ханне необходимо всем управлять. Это вовсе не так. Но Лана, ее младшая сестра, слишком наивна и доверчива. Долг Ханны – защитить ее от бед и неприятностей окружающего мира.

По мнению Ханны, слишком пристальное внимание Рори было одной из этих неприятностей.

Она тихо зарычала, и Рори мгновенно перевел взгляд на Ханну.

– Гм... мы уже близко, – пробормотал он.

Ее снова сковало напряжение. Судя по его легкому тону, Рори понятия не имел, какую бурю вызвали эти простые слова в душе и сердце Ханны. Она судорожно втянула в себя воздух и вцепилась в ремни, прикрепленные к стенке экипажа. Рори, снова взглянув на Лану, пришпорил коня.

Ханна прикусила губу, гадая, стоит ли сказать Лане прямо сейчас или сделать это позднее. Так или иначе разговор должен состояться. Но решение принять не удалось, потому что Лана выглянула в окно и ахнула:

– Приехали!

Ханна проследила за ее взглядом, и ее сердце замерло при виде замка Лохланнах.

Даунрей тоже был очень красив, но этот замок просто поражал. На фоне ярко-голубого неба он выглядел невероятно величественным. Гранитные стены поблескивали темным серебром. По четырем сторонам возвышались высокие башни, соединявшиеся крепостными валами с зубцами поверху. Хотя замок был древним, все же в него недавно внесли некоторые усовершенствования. Окна сверкали новыми стеклами. Яркие знамена с гербом Даннета хлопали на ветру.

– О, смотри! – вскрикнула Лана, когда они пересекли мост, перекинутый через живописное озеро, по которому плавали лебеди. Лана по неизвестной Ханне причине всегда восхищалась лебедями. Ханна же находила их наглыми и злобными. Около Даунрея тоже селились лебеди, которые довольно часто на нее нападали. Для себя она решила не гулять по берегу этого озера. – Правда, чудесно? – спросила Лана.

Ханна что-то согласно пробурчала. Лане все вокруг казалось необыкновенным – это было частью ее натуры, но Ханна пребывала не в том настроении, чтобы чем-то восхищаться. Сердце ее часто билось, тело сковывало напряжение.

Скоро она снова его увидит.

Она тихо ахнула, когда экипаж проехал под древней подъемной решеткой и оказался в огромном дворе, где могла бы поместиться целая деревня. Ни одного выпавшего из стены булыжника, кругом безупречно чисто. Было очевидно, что замок в прекрасном состоянии. Некоторые лэрды пренебрегали домами предков и позволяли им приходиться в упадок и разрушаться. Многие просто их сносили. Ясно, что поколения Лохланнахов любили это место.

Едва экипаж остановился, раздался звук трубы. Из замка выбежали слуги.

Ханна выпрямилась и глянула в окно, выискивая среди множества людей своего жениха. И сникла, не увидев его.

Где он?

Это событие – одно из самых важных в ее жизни. Прибытие в новый дом. Самое малое, что он мог сделать, – это встретить ее.

Высокий светловолосый гигант пробился сквозь толпу и рывком открыл дверь экипажа. И мгновенно устоял на Лану, сидевшую с Неридом на коленях и выглядевшую настоящей принцессой. Его лицо осветила чересчур очаровательная улыбка.

– Добро пожаловать, миледи, – приветствовал он ее с легким поклоном.

Ханна едва не задохнулась от раздражения. Ну конечно, он сразу предположил, что это Лана – невеста лэрда. Рядом с ней Ханна выглядела невзрачной компаньонкой.

– Я Ханна, – объявила она, откашливаясь и безуспешно стараясь скрыть раздражение.

Злорадство, охватившее Ханну при виде его явной досады, возможно, было ниже ее достоинства, но она все равно наслаждалась смущением незнакомца.

– Прошу прощения, миледи. – Он снова поклонился, на этот раз ей, хотя по-прежнему не сводил слишком пылкого взгляда с Ланы.

Ханна выразительно нахмурилась, но он сделал вид, будто этого не заметил, и, улыбнувшись снова, – на этот раз им обоим, – представился:

– Я Эндрю Лохланнах, брат Даннета. Добро пожаловать в замок Лохланнах. – Он протянул руку, чтобы помочь ей спуститься.

– Спасибо, – поблагодарила Ханна, выходя из экипажа. Свершилось! Она впервые ступила на эту землю. – Я Ханна Даунрей, а это моя сестра Лана.

– Вот как? – Повернувшись к ней спиной, он поспешно протянул руку Лане.

Ханна подозрительно прищурилась, когда он помог спуститься ее сестре. Она видела, как Эндрю глазеет на Лану, и это ей не нравилось. Ни в малейшей степени. Она решила постоянно следить за Эндрю. И причиной тому было вовсе

не желание все держать под контролем. Просто она решила проявить благоразумие.

Когда гости наконец оказались на твердой земле, Эндрю обратился к собравшимся с прекрасной приветственной речью, после которой все разразились аплодисментами. Но Ханна осталась недовольна. Их должен был встретить ее жених, а не его брат.

– Где он? – спросила она. Но Эндрю притворился, будто не слышит. Она решила, что он тот еще притворщик.

Эндрю, не подозревая о ее неудовольствии, познакомил невесту брата с экономкой, кухаркой, дворецким и горничными, работавшими в хозяйских апартаментах (всего их было десять), и с горничными, работавшими внизу, с лакеями и... боже, как много здесь слуг! Больше, чем когда-либо было в Даунрее.

Что же ей здесь делать, если всю работу выполняют слуги? Она спросит Даннета. Если когда-нибудь его увидит. Но ведь рано или поздно все равно увидит. Не так ли?

Но все тревоги Ханны были забыты, когда вперед вырвалась стайка чудесных детишек, которые принялись совать ей в руки букеты полевых цветов.

– Добро пожаловать, миледи, – сказал тот, что постарше, и улыбнулся, продемонстрировав полное отсутствие передних зубов.

Ханна невольно улыбнулась в ответ. Она любила полевые цветы. И детей.

– Спасибо, – поблагодарила она и, наклонившись к Эндрю, прошептала: – Кто они?

– Сироты.

Ее улыбка померкла.

– Сироты?

– Жертвы огораживания. Мы, само собой, взяли их к себе.

Это открытие согрело ее сердце и успокоило тревогу. Человека сразу видно по тому, как он относится к обездоленным. Эти дети были ухоженными, чистыми и вообще выглядели прекрасно. Лукавый блеск их глаз за них говорил о том, как им живется.

Но... Ханна разглядела в море улыбающихся юных лиц одно мрачно нахмурившееся. Крошечная девочка казалась очень расстроенной. Мало того, она злобно уставилась на нее, скрестив руки на груди.

Ханна встала перед ней на колени:

– Кто ты? – спросила она.

Девочка плотно сжала зубы.

– Это Фиона Макгилл, – пояснил какой-то мальчик. – Она не г-г-говорит. – Он рассмеялся.

Некоторые дети вторили ему, но девочка постарше ткнула его локтем и прошипела:

– Не смейся над ней! – И, обратившись к Ханне, добавила: – Фионе иногда трудно говорить.

– О, дорогая, не волнуйся, мы все встречаемся с трудностями, – постаралась утешить ее Ханна, закладывая локон за крошечное ушко. – Но почему ты так расстроена?

Фиона сузила глаза.

– Она думала, что лэрд женится на ней, – ухмыльнулся нахальный мальчишка.

Ханна взглядом заставила его замолчать, но было слишком поздно: Фиона развернулась и пнула его в колено, а затем упорхнула прочь. Ханна смотрела ей

вслед, сжимая цветы и игнорируя тяжелые удары сердца. Она не знала, почему девочка так ее тронула. Может, потому, что она сирота? Это так грустно! А может, она просто ровесница Изабелл? Может, Фиона напоминала Ханне ее любимую племянницу? Но скорее всего потому, что бедняжка очарована холодным и грубым мужчиной. Какая ужасная судьба!

Ханна решила, что как только освоится в новом доме, она найдет Фиону и постарается с ней подружиться. Не хватало еще с первых дней в замке обзавестись врагом! Конечно, Фионе только пять, но Ханна хорошо знала, на какие проделки способны малыши. Одна такая как раз осталась дома.

В этот момент вперед выступил скромно одетый человек с унылым лицом и пронзил ее холодным взглядом. Она постаралась не поморщиться. Человек был страшно изуродован. Вся правая сторона его лица представляла собой жуткий сморщенный шрам от ожога, тянущий веко и уголок рта вниз, так что казалось, будто его лицо застыло в вечной гримасе. Но не шрам испугал ее, а светившаяся во взгляде враждебность.

Но Эндрю, как ни странно, хлопнул этого человека по спине и широко улыбнулся. Очевидно, он ничего не заметил.

– А, Фергус! Вот и ты! Это достопочтенная Ханна Даунрей, которая скоро станет леди Даннет. Миледи, это Фергус, наш управляющий!

– Мисс Даунрей, – едва поклонился тот. – Добро пожаловать.

Его тон противоречил словам.

– Фергус управляет замком и большей частью поместья, – пояснил Эндрю, улыбаясь, словно управляющий не пытался убить Ханну свирепым взглядом.

– Понимаю.

– Вы можете просить у него, что угодно.

Просить? У этого мрачного человека?

Ханна прикусила губу.

– Все, что угодно?

– Конечно. Все, что угодно.

Эндрю устремил на нее пристальный взгляд голубых глаз.

– Где Даннет?

– Я... э... – Эндрю побледнел и умоляюще посмотрел на Фергуса.

Тот с трудом сглотнул.

– Он... спит, миледи.

Ханна широко раскрыла глаза. Спит? Когда приехала невеста? Она не знала, злиться ей или обижаться. Или и то и другое. Нет, это плохое начало совместной жизни. Очень плохое.

– Он оставил приказы, миледи, – добавил Фергус, словно это оправдывало сон в середине дня. – Я должен проводить вас в ваши покои и представить вам горничную, которая подготовит вас к венчанию.

Сердце Ханны глухо стукнуло. Венчание. Она с трудом перевела дух. Вот оно. Ее новый дом. До конца жизни.

Ханна оглядела толпу, наблюдавшую за ней с нескрываемым интересом.

Фергус заметил, как она смотрит на людей, и, нахмурившись, ударил в ладоши и прогремел:

– Всем вернуться к работе!

Слуги мигом исчезли.

Ханна скрипнула зубами. Она бы поступила не так. Приказ, отданный громовым голосом, был слишком жестким. Она решила позже поговорить об этом с Фергусом. Вот только немного придет в себя!

Возможно, для такого наставления еще слишком рано. Но она настаивает на своем. Если она возьмет на себя ведение хозяйства, она не позволит орать на своих людей.

Эндрю снова одарил ее чересчур обаятельной улыбкой.

– Можно я поручу Фергусу показать вам ваши комнаты, пока сам устрою ваших людей? – спросил он.

– Прекрасная мысль.

Они с Ланой устали после долгой поездки.

– Вы не могли бы проследить, чтобы мою лошадь поставили в конюшню? – осведомилась Ханна.

Вельзевул беспокоился во время всего путешествия. Возможно, он был раздражен тем, что его привязали к задку экипажа вместо того, чтобы ехать на нем верхом.

– Он предпочитает овес сену, и... не советую ставить его рядом с кобылами.

Глаза Эндрю расширились, но тут же в них появился блеск.

– Проказливый мальчик?

– Он готов сломать перегородку стойла, лишь бы получить желаемое. И, наверное, вы захотите, чтобы с ним управлялся Рори. – Она проигнорировала вздох последнего. – Он любит кусать незнакомых людей.

– Он любит кусать всех, – пробормотал Рори. Но стоило Ханне взглянуть на него, как он дернул себя за челку и осторожно приблизился к Вельзевулу.

Эндрю со смешком поклонился гостям и стал знакомиться с прибывшими с Ханной людьми. Фергус повел Ханну и Лану, все еще державшую Нерида, в замок.

Ханна пыталась рассмотреть все детали обстановки, но ей слишком мешало волнение. Парадные двери с изысканной резьбой открывались в просторный холл с блестящими деревянными полами и широкой лестницей. От такой роскоши у Ханны закружилась голова.

Это она волновалась из-за того, что Даннет женится на ней ради денег? Ради жалкого замка? Ради соляных копей Рея? Как она глупа!

Но тогда возникает вопрос: почему он на ней женится? На женщине, которую даже не позаботился приветствовать, когда она впервые появилась в его доме?

К сожалению, Ханна знала ответ. Некоторым мужчинам будет мало и всего богатства, которое только есть в мире!

Она попыталась скрыть разочарование. Потому что надеялась на большее...

Фергус не дал ей и Лане времени рассмотреть холл и увел их по лестнице в коридор, соединенный с другим крылом. Они остановились перед еще одной лестницей. Ханна уже начала думать, что никогда не найдет дорогу назад, когда он остановился перед двойными дверями.

– Это, – объявил он, – ваши покои. Его милость заново обставил их для вас. – Он с поклоном распахнул двери.

Ханна встала на пороге и широко раскрыла глаза. Перед ней была просторная комната с окнами на север и гигантской кроватью с четырьмя столбиками. Вокруг камина, в котором потрескивало веселое пламя, полукругом выстроились удобные стулья. Дверь в левой стене открывалась в гостиную.

Ей бы стоило порадоваться увиденному! Ханна напомнила себе о своем решении радоваться всему. Но ей было не до восторгов. Комната была... уродлива.

О, в ней лежали новые ковры и стояла новая мебель, но все было отвратительно коричневым. Темно-коричневым. Все – от шпалер до покрывала на кровати и ковров. Коричневых. И не просто коричневых, а цвета навоза.

Комната была в лучшем случае угнетающей. А в худшем... навозной. Все равно, что спать в сарае. Или в отхожем месте.

Она бросила взгляд на Фергуса.

– Даннет велел заново обставить эти покои?

– Да, миледи.

– Для меня?

– Да, миледи.

У него был такой гордый вид, что у Ханны не хватило смелости сказать, что комнаты выглядят просто жутко. Возможно, в будущем ей удастся устроить здесь пожар.

Она выдавила улыбку и пробормотала:

– Великолепно.

Ложь стоила усилий. Его недоброе лицо впервые смягчилось, а глаза заулыбались. Уши стали ярко-розовыми.

– Превосходно, миледи. – Управляющий низко поклонился. – Превосходно. Лакеи скоро принесут ваши сундуки.

Он махнул рукой девушке, стоявшей в углу со сложенными на груди руками. Ханна пришла в такой ужас при виде новых комнат, что даже не заметила ее.

– Это Сенга. Горничная вашей милости. – Фергус тревожно уставился на нее. – Но, может, вы предпочтете выбрать другую.

Девушка слегка сжалась и послала Ханне полный надежды взгляд.

Ханна не нуждалась в горничной, но не могла раздавить эту хрупкую надежду.

– Сенга?

Девушка кивнула.

– Я так рада познакомиться!

Бедняжка едва не упала в обморок от облегчения.

– Сенга принесет вам поднос. – Фергус помедлил. – Но может, вы не хотите есть?

Ханна вдруг сообразила, что, возможно, резкость этого человека при встрече была вызвана обычной нервозностью. По крайней мере, она на это надеялась.

Ханна сдержала вздох.

– Поднос – это совсем неплохо, – кивнула она, хотя не знала, как можно есть в комнате такого цвета.

Горничная присела несколько раз и с поклонами вышла из комнаты, словно Ханна была царицей Савской. Как это утомительно! Правда, она станет баронессой, но она не привыкла к такой почтительности слуг. Да подобное поведение ей и не по душе.

– Думаю, сейчас нам нужно отдохнуть и немного привыкнуть к новому дому, Фергус.

Ханне действительно нужно было время, чтобы освоиться в ужасных комнатах. Ей, конечно, придется проводить здесь много времени.

– Разумеется, миледи. Комнаты вашей сестры напротив. Его милость подумал, что вам будет приятно жить рядом.

Да, это, по крайней мере, заботливый жест.

- Спасибо, Фергус.

Ханне не хотелось подгонять его, но ее охватила внезапная усталость. Она хотела одного: стереть с лица глупую улыбку и рухнуть в постель.

Управляющий пошел к двери, но остановился так резко, что Ханна налетела на него.

- Миледи, я едва не забыл. - Он сунул руку в карман, вытащил письмо с печатью Даннета Волка и протянул его ей. - От его милости.

Ханна взяла письмо мгновенно онемевшими пальцами и переглянулась с Ланой. Та пожала плечами.

У Ханны голова шла кругом. Он не только не потрудился встретить ее, но еще и прислал письмо.

Письмо.

Ей очень хотелось поскорее развернуть его и прочитать. И одновременно так и подмывало разорвать его в клочья и бросить в огонь.

Она кивнула Фергусу и закрыла за ним дверь, невзирая на то что ему явно не хотелось уходить, а сама упала на стул и свирепо уставилась на оскорбительное послание.

- Можешь этому поверить? - сказала она Лане, сидевшей с Неридом на коленях напротив нее. Кот тут же спрыгнул на пол и стал исследовать комнату. Очевидно, искал подходящее местечко, чтобы добавить свою долю коричневого цвета.

- Прекрасная комната, - пробормотала Лана. - Куда больше твоих покоев дома.

- Сама знаешь, я не об этом. Цвет...

Господи боже, она даже не может сказать этого вслух!

Лана, покусывая губы, стала рассматривать занавеси.

– Коричневый.

– В самом деле.

– Но все... вполне гармонирует.

Отвратительно и мерзко, но да! Все гармонирует. Бесконечное море тошнотворно коричневого.

– Он все обставил заново, только для тебя.

– Именно.

Лана глянула на письмо, и Ханна поняла, что мнет пергамент в руке. Она положила его на стол и картинным жестом разгладила.

– Ты собираешься его читать?

– Полагаю, что стоит это сделать.

– С его стороны это весьма заботливый жест – написать тебе письмо, ты так не думаешь?

Нет. Она так не думала.

– Я предпочла бы поговорить с ним.

– Он спит.

Ханну просто затрясло от возмущения. Такое высокомерие! Правда, к нему примешивалась некоторая доля возбуждения. Но она решила проигнорировать возбуждение и сосредоточиться на раздражении. Спит посреди дня. Когда

приехала его невеста. Совершенно мужской поступок.

Она сжала зубы и развернула письмо. Короткое и деловое. Почему она не удивлена?

«Ханна, добро пожаловать в Даннет. Я искренне надеюсь, что ты будешь здесь счастлива. Если тебе что-то понадобится, пожалуйста, без колебаний обратись к Фергусу. Он с радостью исполнит любое твоё желание.

Александр».

Все её желания?

Она желает поговорить. С женихом. Хотя бы раз перед тем, как они станут мужем и женой. Неужели она просит слишком много?

– Что там? – спросила Лана. Ханна протянула ей письмо. Лана прочитала его и вздохнула: – Как мило!

Неужели?

Возможно, неразумно с её стороны так злиться. А может, и разумно. Даннету предстоит стать её мужем, и он обязан поговорить с ней лично. Но может, она слишком многого хочет?

Лана широко зевнула, хотя и старалась прикрыть рот.

– Дорогая, день был утомительным. Почему бы тебе не пойти в свои покои и не посмотреть, как они обставлены?

Тщательно, но безуспешно поискав Нерида, они направились в комнаты, расположенные напротив по коридору. Ханна очень старалась не оскорбиться, увидев, что спальня Ланы выдержана в чудесных кремовых тонах, что в ней есть дорогое одеяло и кружевные занавески. Ханне очень хотелось остаться там, но

Лана выставила ее, заявив, что ей тоже нужно отдохнуть.

Но, вернувшись в свои отвратительные покои, Ханна поняла, что не может уснуть. И не только цвет действовал ей на нервы, когда она открыла глаза. Она была сплошным комком нервов, ее одолевали тревоги.

Подойдут ли они друг другу? И какова ее роль в этом богатом баронском поместье? Но важнее всего, почему он сделал ей предложение?

Пытаясь успокоиться, она обошла покои, состоявшие из спальни, гостиной и туалета. Была еще одна дверь в дальнем конце гостиной. Ханна, не задумываясь, толкнула ее и застыла.

О господи! Это его комната! Ей следовало бы догадаться.

При виде комнаты, отделанной в очаровательных вересково-зеленых тонах, Ханну снова охватило раздражение. Этот оттенок она нашла весьма приятным. Но это раздражение длилось не долго, тут же сменившись волной непростительного возбуждения. Она увидела его.

Он лежал, распростершись на постели. Обнаженный. Сплошные бугры мышц.

Судорожно сглотнув, Ханна уставилась на него, на его мощные бедра, поросшие темными волосками, и широкоую, твердую грудь с такой же темной порослью. Одна рука мужчины закрывала от дневного света его лицо. Даже во сне его мышцы выпирали под кожей. Слава богу, что простыня закрывала его пах, иначе Ханна лишилась бы чувств.

И тут она и правда едва не упала в обморок. Потому что, хотя в комнате раздавался храп ее хозяина, к нему присоединялось еще и тихое горловое рычание.

Рядом с кроватью медленно поднялся на ноги гигантский, свирепый, мохнатый зверь. Разъяренный волк. Его сверкающие глаза сузились, волосы на затылке поднялись. Ощерившись, он шагнул к Ханне. И прыгнул.

Глава 6

Александр вскочил, разбуженный рычанием, вскриком и стуком двери. Он сам не ожидал, что заснет, но видимо, все-таки он спал.

Рассудив ссору в Лите, – что заняло куда больше времени, чем предполагалось, – он сразу поехал домой и работал всю ночь: составил список всех мелочей, необходимых для свадьбы, и распорядился, чтобы отряд его людей немедленно отправился в Реей, чтобы обеспечить защиту Ханне на пути в ее новый дом – этого требовал брачный контракт.

После этого пришлось переделать давно ожидавшие дела. Александру стоило бы сразу лечь спать, но вместо этого он долго сидел, глядя Бруида и думая о ней. В результате он почти не спал, и теперь, проснувшись, никак не мог прийти в себя. Поэтому не сразу сообразил, что пробудило его от мертвецкого сна. Кто-то вошел в его спальню. Ощетинившийся Бруид, стоящий у двери в гостиную, тихо рычал.

Александр нахмурился. Бруид редко рычал, разве что просил поесть... или видел угрозу.

Он босиком подошел к двери, оттащил собаку и попытался открыть дверь, чтобы заглянуть в комнату.

Он не ожидал, что пес вырвется и метнется в гостиную. И уж точно не ожидал увидеть Ханну, стоявшую посреди комнаты. При виде девушки его пульс участился. Внутри возникло возбуждение. Она здесь? Уже? Сколько же он проспал?

Вот она, перед ним, черные густые волосы обрамляют тонкое лицо. Руки сжаты, глаза широко раскрыты, а в них... страх. Губы Ханны разомкнулись, а из горла вырвался вопль, когда Бруид бросился на нее, оскалив зубы.

– Бруид, сидеть! – прогремел Александр, но обычно послушный пес не желал слушаться. Задыхаясь от ужаса, мужчина наблюдал, как волкодав нападает на женщину, его будущую жену. Время замедлило ход. По его спине ползла ледяная волна паники. Внутренности завязались в жесткий узел.

Неужели он потеряет ее, еще не получив? Неужели она погибнет в зубах его любимого Бруида?

Но Бруид не напал на нее. Правда сбил с ног, но промчался мимо, в ее спальню.

Облегчение Александра длилось недолго. Потому что из спальни раздавалась адская какофония. Удары и грохот. Ужасающий визг и вопли. Лай и тихое рычание, от которого мороз шел по коже.

Ханна полоснула его яростным взглядом и, вскочив, побежала в спальню. Александр волей-неволей последовал за ней.

И остановился при виде того, как его отлично выдрессированный и дисциплинированный волкодав, как щенок танцует перед камином: хвост вертится, как крылья ветряной мельницы, из пасти вырывается оглушительный лай. Потому что на каминной доске съежился шипящий комок меха.

Смех так и клокотал в горле Александра. Он нечасто смеялся, но это... это было так забавно!

Но тут он поймал взгляд Ханны и поежился.

Ладно. Не слишком забавно.

– Отзовите его! – крикнула она, перекрывая шум. – Он пугает Нерида.

– Бруид! Ко мне!

Пса Александра тренировали почти с самого рождения. Он всегда повиновался командам. Но сейчас ему было не до хозяина. Слишком велико было желание обляять, а то и выманить кота и вступить с ним в бой.

Александр ринулся к камину и схватил Бруида за загривок. Хотя тот повизгивал и завывал, все же пес позволил хозяину оттащить его к двери. Александру оставалось только надеяться, что Ханна оценила его усилия.

Но когда он поднял глаза проверить, действительно ли это так, он едва не ахнул от изумления. Потому что она уставилась на него со смешанным выражением ужаса и явного интереса.

И Александр почти сразу сообразил почему. Он привык спать голым. И он даже не подумал о том, что, когда он вскочил с кровати, он был полностью обнажен. Его мужское достоинство определенно не являлось для него необычным зрелищем. Для него. Но не для нее. Что, учитывая положение дел, было скорее хорошей новостью, если вспомнить о ее привычке целовать незнакомых мужчин.

Но, боже, он не собирался пугать ее! Особенно в день свадьбы.

Александр наклонился вперед, чтобы волкодав хотя бы частично загородил его пах. Взгляд Ханна немедленно переместился на лицо Александра. Рот девушки от удивления был приоткрыт. Она сглотнула. С большим усилием.

Ему следовало что-то сказать.

«Мне очень жаль». Или: «Прости за вторжение». Или: «Обычно я не хожу в таком виде».

Но он понял, что не может найти слов. А если бы даже нашел, не сумел бы их выговорить. Поэтому Александр ограничился быстрым поклоном и, держа Бруида поближе к себе, попятился из комнаты.

Не слишком многообещающее начало их союза. Вернее совершенно ничего хорошего не обещающее...

Святой боже!

Ханна смотрела на закрывшуюся за ее нареченным дверь. Ее голым нареченным.

Он совершенно не сознавал своей наготы, как Адам в райском саду: прекрасный, огромный, само совершенство. А когда он одним прыжком оказался на другом конце комнаты и стал сражаться со своим волкодавом, ее взгляд не отрывался от одной детали его тела. Единственной. Гигантской.

Она много знала о животных-самцах. Читала несколько книг на эту тему. Видела, как спариваются лошади. Подслушивала передаваемые шепотом сплетни матрон Кайрен Рея. И считала, что вполне осведомлена о щекотливой теме. Знала, как все бывает.

Но эта часть его тела ее шокировала. Особенно размер...

Как Ханна ни ломала голову, все же она не могла понять, как он в ней поместится. Кроме того, ее еще шокировал обжигающий жар, который она чувствовала в животе. Он был настолько сильным, что ее колени ослабли, а сердце колотилось как бешеное.

Ханна облизнула пересохшие губы. Все ощущения, испытанные во время и после того поцелуя, вернулись. А вместе с ними пришли и новые.

Неужели это и есть вожделение? Истинное вожделение? Не девичье возбуждение от украденного поцелуя, но всепожирающий огонь, готовый испепелить ее?

Ее одолевали видения: вот она лежит между этими длинными стройными ногами. Ощущает его прикосновения. Силу объятий.

Ханна шумно выдохнула. Голова стала совсем легкой.

Нерид жалобно мяукнул, возвращая ее к действительности. Она сняла его с каминной полки и стала гладить, успокаивая. Оба дрожали, но по разным причинам.

Ханна не понимала, стоит ли ей радоваться или бояться. Знала только одно: она очень рада, что не выходит за Олрига.

Но ее мнение по этому вопросу слегка изменилось, когда меньше, чем через час ей принесли еще одно письмо от Даннета. И делу отнюдь не помогло то, что его передал угрюмый управляющий.

«Пожалуйста, приготовься. Свадьба состоится сейчас», – гласило оно.

Ханна скрипнула зубами. Она начинала ненавидеть это слово.

– Все на месте, миледи, – объявил Фергус с выражением на лице, которое могло бы сойти за улыбку. – Священник здесь, и даже трезв.

Она понятия не имела, что это означает.

– А лэрд ждет вас в церкви.

– Сейчас? – удивилась Ханна.

– Сейчас, миледи.

Ради всего святого! Она даже не одета. По крайней мере, не одета для свадьбы. Хотя, поскольку это брак по расчету, простое объединение домов, это вряд ли имеет значение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/york_sabrina/spasennaya-gorcem

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)